

894.542
№ 300

САБИТ
МУКАНОВ

НИТЬ
АРИАДНЫ

„ИСКУССТВО“
1945

ДРАМАТУРГИЯ НАРОДОВ СССР

894.342

M-900

САБИТ МУКАНОВ

Нить
Ариадны
(ЧОКАН ВАЛИХАНОВ)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ
В ЧЕТЫРЕХ АКТАХ, ШЕСТИ КАРТИНАХ,
С ЭПИЛОГОМ

*Перевод с казахского
В. Шкловского*

Государственное издательство
„ИСКУССТВО“
Москва 1945 Ленинград

Гурк № 221,44-го

Редактор *С. Коляджин*

Техн. ред. *А. Сидорова*

A24220 Подп. в печать 15/XI 1945 г.
„Искусство“ № 2912 Кол. печ. л. 37/8.
Уч.-изд. л. 3,47. Зн в 1 п. л. 35272.
Тираж 5000. Зак. 1022. Цена 4 руб.

Тип. „Красный печатник“, Москва,
ул. 25 Октября, 5

Оформление художника

С. Чахирьяна

ОТ АВТОРА

Знаменитый казахский ученый, оставивший после себя много трудов по географии, этнографии, истории и фольклору народов Средней Азии, особенно казахов, Чокан Валиханов родился в 1835 году в нынешней Северо-Казахстанской области, Айртауского района. Родился он в семье султана — правителя Кокшетауского округа — Чингиса Валиханова, который был внуком известного казахского хана Средней Орды Аблая, добровольно принявшего русское подданство в 30-х годах XVIII столетия. Настоящее имя Валиханова — Мухаммед Ханафия. Но дома его уменьшительно звали Шокан (в русской транскрипции — Чокан), ласкательно — Қанаш.

Казахскую грамоту Чокан знал с малых лет. В 1841 году, шестилетним мальчиком, по совету отца, он записывал казахские песни. 10 лет он поступил в Омский кадетский корпус. В корпусе были хорошие

преподаватели, мальчик учился отлично и был любимым и авторитетным другом кадетов. Нередко товарищи спрашивали его: «Чокан, как в таком случае должен поступить благородный человек?» — и Чокан давал ответ. Очень рано Чокан увлекся книгами о путешествиях. В 1853 году он окончил корпус и поступил адъютантом к генерал-губернатору Западной Сибири. Чокан хорошо знал английский, немецкий языки, ориентировался во французском и итальянском. На развитие Валиханова оказало большое влияние знакомство с великим русским географом П. П. Семеновым, получившим впоследствии фамилию Семенов-Тянь-Шанский. Валиханов был дружен с петрашевцами, в частности с Дуровым. Сергей Федорович Дуров принадлежал к числу тех петрашевцев, которые уже интересовались учением Маркса; близкими друзьями Валиханова были Федор Михайлович Достоевский и Аполлон Николаевич Майков, писавшие ему сердечные письма.

Через петрашевцев Валиханов познакомился с утопическим социализмом, а через Ремюзе, Банзарова и других востоковедов — с современной ему этнографией. Начав работать в этой области, он критически относился к своим предшественникам. Свои ученые труды Валиханов писал преимущественно на русском языке. Отдельные его работы опубликовывались Русским географическим обществом еще при жизни Валиханова. Его избранные сочинения были изданы в

1904 году под редакцией академика Веселовского. Неизданные рукописи Валиханова хранятся в рукописном фонде библиотеки Академии Наук СССР.

В предисловии к сочинениям Валиханова Веселовский отзывался о нем в следующих выражениях: «Как блестящий метеор промелькнул над нивой востоковедения потомок киргизских (казахских — С. М.) ханов и в то же время офицер русской армии Чокан Чингисович Валиханов. Русские ориенталисты единогласно признали в лице его феноменальное явление и ожидали от него редких и важных открытий о судьбе тюркских народов, но преждевременная кончина Чокана лишила нас этих надежд. Он умер от чахотки, не достигнув и 30-летнего возраста». Далее Веселовский называет Валиханова «русским писателем на киргизские (казахские — С. М.) темы».

В 1858 году русскому правительству потребовались сведения о положении в Западном Китае, где только что произошли большие восстания. Для выполнения этого трудного задания был привлечен туркестанский купец, который вел постоянную торговлю с Кульджою. Нашли кашгарского торговца, у которого умер сын, и Чокан Валиханов поехал в Кашгарию под именем этого самого умершего кашгарца. Эта поездка была настоящим подвигом. О ней с огромным уважением отзываются крупнейшие русские востоковеды. Материал ее издан и до сих пор пред-

ставляет огромный интерес. Поездка была очень опасной и чуть не кончилась для Валиханова трагично. Во время путешествия Валиханов изучил язык уйгуров и составил словарь этого языка.

Вернувшись в Россию, Валиханов был причислен к Министерству иностранных дел и принимал участие в составлении карт Азии. Он был избран членом Русского географического общества. В этот период он часто встречался с Достоевским. В начале 1861 года Валиханов поехал к отцу в Кокшетаускую степь.

Валиханов вернулся в родные края с идеями просветительными. Ему были глубоко чужды буржуазные националисты и татарские муллы, исподволь проводившие панисламизм; ему пришлось также сталкиваться с немцами-чиновниками, выходцами из Баварии, которые приезжали в степь с единственной целью разбогатеть. (Об этом он написал в письме к Достоевскому от 16 октября 1862 года.) Чтобы облегчить участь своего народа, Валиханов хотел быть избранным в ханы-правители и вступил в непримиримую борьбу с баями. На выборах Валиханов победил, однако выборы не были утверждены, и это явилось для него большим ударом. В это же время его постигло большое личное горе: ему не дали жениться на девушке-служанке, которую он любил. Чокан остался совершенно одиноким.

О своих переживаниях он пишет поэту Майкову 6 декабря 1862 года: «Я несу крест свой, как Иисус,

но только с ропотом. Протестовать следует, хотя толку из того никакого не будет».

Его идеологическая позиция была весьма сложной. Он не разделял взглядов ни славянофилов, ни западников и в то же время был против того, что называл «китайской серединой». (Как известно, китайцы утверждают, что среднее лучше, чем хорошее.)

При новом генерал-губернаторе Дюгамеле положение Валиханова еще более ухудшилось.

Валиханов выступал в печати против султанов и мулл, настаивал на необходимости создания охраны того социального слоя, который он называл «степным пролетариатом». В то же время Валиханов продолжал свои научные работы: изучал китайский язык и, очевидно, занимался общественными науками. Есть основание предполагать, что в эти годы он познакомился с основами марксизма. Весною 1865 года Валиханов принял участие в Ташкентском походе, который возглавлял генерал Черняев. Во время похода Валиханову пришлось быть свидетелем злоупотреблений царской администрации в Средней Азии, получивших у великого сатирика Салтыкова-Щедрина название «ташкентства».

Несмотря на то, что Валиханов постоянно подчеркивал свою любовь к России и к русскому народу, он не мог примириться с колонизаторскими устремлениями царизма.

Вернувшись из похода, он сперва уехал в Алма-
Ату, потом в аул султана Тезека, который управлял
Адбаном — родом Большой Орды кочевников к за-
паду от Кульджи. Здесь Валиханов и умер.

Автор пьесы «Чокан Валиханов» не ставит своей
задачей показать жизнь Валиханова во всех подроб-
ностях и останавливает свое внимание лишь на от-
дельных, характерных ее эпизодах.

Пьеса была начата весной 1943 года и закончена
через год. Учитывая некоторое отличие русской сцены
от казахской, автор счел необходимым кое-где отсту-
пить от казахского оригинала в переводе пьесы на
русский язык.

„Судьба миллионов людей, подающих несом-
ненные надежды на гражданственное развитие
людей, которые считают себя братьями рус-
ских по отечеству и поступили в русское
подданство добровольно, кажется, заслужива-
ет большего внимания и большей попечитель-
ности в таких решительных вопросах, кото-
рые формулируются в шекспировское—быть
или не быть“.

(Чокан Валиханов.
Собрание сочинений. 1904 г.,
стр. 155.)

Вопросы, относящиеся к истории и географии России, а также к ее политическому и социальному положению, являются предметом особого внимания и изучения.

Следует отметить, что в настоящее время наблюдается значительный интерес к изучению истории и географии России, что обусловлено, в частности, ее стратегическим значением в современном мире. В связи с этим необходимо уделять особое внимание изучению ее исторического и географического наследия, а также ее роли в мировой истории и географии.

В заключение следует отметить, что изучение истории и географии России является важным и интересным занятием, которое способствует формированию у молодежи патристического сознания и гражданской ответственности.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Чокан Чингисович Валиханов

Чингис — *его отец.*

Зейнеп — *мать.*

Жакып — старший брат. ✓

Ракня — *младшая сестра.*

Айша.

Муса — *дядя Валиханова.*

Жайнак

Жумагул } акыны.

Суюмбай }

Тезек.

Танащ — *жигит.*

Малтабар — *купец.*

Култай — *его слуга.*

Эрден — *влиятельный аксакал.*

Потанин Григорий Николаевич. ✓

✓ Гутковский Карл Казимирович — *военный губернатор.*

Христина Андреевна — *его жена.*

Галина — *его дочь.*

Володя (Владимир Светлов).

✓ Дюгамель Яков Гансович — *генерал-губернатор степных областей.*

Фридерике Фридрих Фридрихович — *начальник областного управления.*

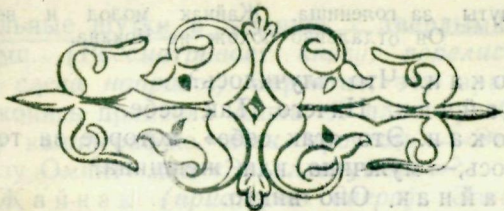
Майдель Николай Леонович — *начальник окружного приказа.*

Сутемген — *толмач.*

Аби — *татарка, старуха.*

Два урядника.

✓ Время действия — 1858—1865 годы.

А К Т П Е Р В Ы Й

Просторная и мало обставленная комната с большими, наверху полукруглыми окнами. Три двери. Одна из них, стеклянная, ведет в небогатый двор-сад. ✓

По стенам комнаты портреты — большой портрет Белинского, рядом портрет Марко Поло в венецианском костюме. Цветной, соединенный из сегментов, дунганский рисунок украшает стену над широким диваном ярким пятном.

Сцена пуста.

Со двора входит молодой поручик Чокан Валиханов. Ему года 23—25. У него темные брови, узкие глаза, тонкие усы. Он строен, по-военному подтянут. h

В это же время в другую дверь вбегает жигит Жайнак. Он в национальном казахском костюме и, несмотря на лето, в высоких и широких кожаных сапогах, надетых на валеные чулки, края которых h

завернуты за голенища. Жайнак молод и весел.
Он отдаленно похож на Чокана.

Чокан. Что случилось?

Жайнак. Ничего. Так себе.

Чокан. Это «так себе», которое за тобой гналось,— мужчина или женщина?

Жайнак. Оно никто.

Чокан. Это Ракия? Чего она от тебя хочет?

Жайнак. Разве она знает, и разве я сказал, что это она?

Чокан (*улыбается*). А кто с ней?

Жайнак. Вот уж никого.

Чокан (*взволнованно*). Куда же Айша пошла?

Жайнак (*касается сперва стены, потом пола*). Что я понимаю в этом страшном жилище с твердым полом и многими дверями? Здесь не согласилась бы жить даже лисица, хотя она любит нору со многими выходами. Если бы это была честная юрта с одним входом, я бы сказал, где Айша. Впрочем, я ее приведу. (*Направляется к двери.*)

Чокан. Постой!

Жайнак (*уходя*). Видал ли ты охотника, который бы успокаивался, не окровавив торока своего седла убитым зверем?

Чокан (*подходит к столу*). Не веселят

аульные шутки в жилище с твердыми стенами. (Рассматривает книгу, перелистывая ее слева направо.) Вероятно, эту арабскую рукопись принесла Айша. Я плохо разбираю эту каллиграфию. Как прочесть — «Эльляллазу Омият» или «Эльляллазут мия»?

Жайнак (приоткрыв дверь). Заходите, заходите, здесь прохладно и никого нет.

Горделивой походкой входит сестра Чокана Ракия, девушка лет 18. На ней смешанный европейско-казахский костюм. Волосы заплетены по-аульному, в ушах большие серьги. За ней входит Айша, девушка лет 20, с совиными перьями на маленькой шапочке и в скромном казахском платье.

Чокан (кланяется по-европейски). Добро пожаловать!

Айша делает знак почтения — нечто вроде полупоклона, с согнутыми коленями.

Ракия. Чтоб твоя посуда всегда была пустой. Как же ты сказал, что здесь никого нет, Жайнак?

Жайнак. Если бы девичьи недобрые пожелания имели силу, я был бы уже в седьмом подземном царстве.

Чокан. Я рад, что вы пришли.

Ракия. Шокан-ага¹, какой чудный город

¹ Ага — господин, начальник.

✓ Омск! Сегодня я видала в лавке серьги. Поверишь ли, они величиной в мою ладонь. Золотые, с камнями и совсем недороги, но мама говорит, что мы еще не заплатили за платье. Ты их купишь мне, Шокан?

Чокан. Непременно куплю. Но при таких больших серьгах надо уметь одеваться, как одеваются в ауле. Оденься или по-аульному или по-городскому.

✓ Жайнак. В глазах рябит от тебя, Ракия. Голова петушья, крылья сорочки.

Ракия. Не приставай!

✓ Жайнак (*отбегая от двери*). Ноги чибисовые.

Ракия, смеясь, догоняет его.

✓ Чокан. Ракия, надо же привыкнуть одеваться не так пестро.

Ракия. Если ты скупись, то не покупай серьги. (*Обиженно направляется к двери.*)

Чокан. Ракия, куда ты?

Ракия. За серьгами. Я скажу, чтобы прислали. Ты здесь заплатишь.

Чокан смеется. Айша хочет уходить.

Г✓ Чокан (*Айше*). Садись, я тут не разобрался в книге.

Айша. Спасибо, ага. Я пойду.

Чокан. Прошу...

Айша. Ага...

Чокан. Ага просит — садитесь.

Айша. Аырай! ¹

Чокан (*подходит к книге*). Конечно, ошибка в моем воспитании, что я небрежно относился к арабскому языку. Без арабской поэзии непонятна поэзия Ирана и непонятно многое в нашей поэзии. Как точно название этой книги?

Айша. Это старая книга. Книга по философии. Ее заглавие — «Эль-лузумия».

Чокан. Что это значит?

Айша. Это от арабского слова — лазым, то есть дела, исполнение которых обязательно. Долг, необходимость, принуждение.

Чокан. Наставление шариата?

Айша. Нет. Это книга арабского поэта Абу-Гала-Эль-Магарри, жившего в V веке хиджры.

Чокан. XI век европейцев. Что же считал для себя должным тот человек, более 800 лет тому назад, и почему его книгу должна читать молодая женщина?

Айша. Не смейтесь, ага. Может быть, и

¹ Восклицание, выражающее неохотное согласие.

✓ вам придется читать книгу о необходимости. Абу-Гала-Эль-Магарри говорил, что человек приходит в мир для мучения. Оно необходимо.

Чокан. У меня есть друг. Он жил в остроге этого города. Его мучили так, что он теперь говорит, что мучения необходимы, что человек рожден для страданий. Ты его видела: он ходит в солдатской форме.

Айша. Кто он?

✓ Чокан. Достоевский! Федор!

Айша качает головой.

Ладно, об этом потом. Но ведь недавно мы с тобой читали книгу о любви, о том, как поэт Меджнун пел о любви и лани шли по его следам и лизали их, как будто след был солон.

Айша *(вздыхает)*. Ту книгу я больше не читаю, ага.

✓ Чокан. Разве необходимость не может быть побеждена, хотя бы любовью?

Айша. Книги Меджнуна давно прочитаны. Ученые сказали — бывает любовь телесная и любовь божественная. Поэзия превращает первую любовь во вторую. Я буду читать Меджнуна, когда пойму книгу необ-

ходимости. У меня есть долг, который я вы-✓
полню.

Входит брат Чокана — Жакып, длинноусый, пол-
неющий человек. На нем платье татарского покроя. } h
Чокан приветствует брата; Айша быстро уходит.

Чокан (оглядываясь). Она ушла?

Жакып. Куда она уйдет с нашего дво-✓
ра? Это наша девушка, дочка нашего пасту-
ха. Если она грамотна — это наша грамота,
на наш счет. Ты давно начал встречаться с
этой девушкой наедине?

Чокан. Тебе это для чего знать?

Жакып. Я — человек семейный, я ску-
чаю. Она мелькает передо мной лисицей.
Шкура у нее больно хорошая. Но если ты
уже на этом следу, я уйду.

Чокан. Что ты говоришь про нее, как ✓
про вещь?

Жакып. Маленькая вещь. Зажму — она
у меня в кулаке, разожду — она у меня на
ладони.

Чокан. А в аулах есть пословица: «Хотя ✓
у собаки есть хозяин, но у лисицы есть бог».

Жакып. Ты бог этой лисицы?

Чокан. Не будем шутить, Жакып, выслу-
шай мою просьбу во имя того, что у нас
общая мать.

Жакып. Я слушаю тебя, как брата.

✓ Чокан. Так вот, слушай: русское правительство отправило меня в Кашгарию.

Жакып. И это путешествие воистину прославило тебя.

Чокан. Это путешествие утомило мое сердце. Я видел людей разнообразно несчастливых. Видел хана, принимающего меч от мастера в подарок и пробующего остроту меча на его сыне.

Жакып. Не будем жалеть о людях не нашего рода.

Чокан. Скажем о нашем роде. Наш аул тогда стоял на берегу реки Кулайгыр.

Жакып. Память тебе никогда не изменяет.

✓ Чокан. Я пришел в дом муллы Оспана. Двенадцать учеников учили стихи из числа тех, которые вывешивают в мечети за красоту слова. Мулла спал. Урок вела, сидя у порога, эта Айша. Она встала и полузакрыла лицо, хотя нет этого обычая в степи.

Жакып. Я знаю всю эту длинную историю. Я ведь тоже читал стихи, покамест не потолстел. Душа твоя вмиг облетела семь рядов земли, а дальше можно читать Навои.

✓ Чокан. Если тебе надоело, то я скажу коротко: я узнал ее имя.

Жакып. Что потом?

Чокан. Мулла рассказал мне, что Айша за восемь лет узнала то, что узнают за тридцать лет в школах священной Бухары.

Жакып. Мы сами знаем, что наша служанка учёна. Но все равно она, выйдя замуж, вместо книг будет смотреть на вымя коровы и на уши котла.

Чокан. Пожалеем же о человеке нашего рода.

Жакып. Вот конец твоего пути. Ну, что же, голова твоя свободна, приблизь ее к себе — и все.

Чокан. Ну, хорошо, она станет смотреть на вымя рядом с моим домом и будет чистить мой котел. Но какова участь других девушек нашего народа?

Жакып. Но вот только теперь началась настоящая ярмарка. Мы с тобой — потомки Чингиса, потомки Аблая. Из нашего рода выходили ханы и богатыри. Дервишей у нас не было. Эй, Шокан, не перестраивай мир, построенный богом. Хочешь забавляться с девушкой — забавляйся, хочешь есть — ешь, но не жни ртом, как серпом. Да она и не выйдет за тебя замуж, у тебя есть невеста.

Чокан. Какая невеста?

Жакып. Весь Омск знает, что твоя невеста дочь генерала Гутковского.

Чокан. Пустые разговоры.

Входит Жайнак.

Жайнак. Мурза! ¹ Приехала женщина, подобная птенцу жар-птицы. Она приехала на двух конях — черных, как пьетки. Она спрашивает тебя. Талия у нее, как у муравья. Она стоит у ворот.

Чокан (*подходит к окну*). Галина, дочь Гутковского.

Жакып (*подходит к окну*). Недаром же мы приехали в Омск. Как хороша! Я уйду, Шокан. Кто не возьмет ее замуж, имея возможность, тот заслуживает того, чтобы быть холостым всю жизнь. (*Уходит.*)

Жайнак. Позвать ее?

Чокан. По здешнему обычаю я сам выйду к ней. (*Уходит.*)

Жайнак. Много людей ходит вокруг Шокана-мурзы, а он невесел. Зачем мне стоять здесь? Любовниц у меня же здесь нет... (*Уходит.*)

Входят Чокан и Галина.

Чокан. Садитесь, Галина Карловна.

¹ Мурза (мирза) — дворянин; почтительное обращение к лицу дворянского происхождения.

Г а л и н а. Спасибо, Чокан Чингисович. Давно ли я вас звала Шурой?

Ч о к а н. Галина Карловна, я рад вас видеть в своем доме.

Г а л и н а. Чокан, я вас знала еще кадетом, когда вы приходили к нам по субботам на праздник. Мы с вами в насмешку обшили генералу Дюгамелю калоши орденской лентой. Он все хвастался Владимиром второй степени.

Ч о к а н. Галина, я отвык шутить. Я пере-
менился.

Г а л и н а. Письмо Татьяны переведено на казахский язык?

Ч о к а н. Я помню, как мы с вами были в опере... С музыкой это выходило хорошо.

Г а л и н а. Шура, скажите откровенно... вы меня разлюбили?

Ч о к а н. В опере, Галина, люди объясняются долго и под оркестр. Мне придется говорить проще. Я — человек, посвятивший себя служению своему народу. Я ушел от него вперед и скучаю один. У меня нет даже семьи. Мне надо платить долг, и вот я для этого еду в Петербург. Когда я сделаю хоть что-нибудь для своего народа, тогда я смогу говорить о себе и о вас. А сейчас я говорю только о необходимом, о должном.

Г а л и н а. Вы скрываете правду. В Омске про вас сплетничают.

Ч о к а н. Что сплетничают?

Г а л и н а. Я — простая омская барышня, которая слушает сплетни. Я не буду скрывать своих чувств. Говорят, что вы женитесь.

Ч о к а н. Нет, Галина Карловна, это мне неизвестно.

Г а л и н а. Может, вы влюблены?

Ч о к а н. Возможно...

Г а л и н а. То, что я хотела услышать, — я услышала.

Ч о к а н. Вы обижены?

Г а л и н а. Нет, я узнала, что вы меня не любите.

Ч о к а н. Я вам этого не сказал. Но я не умею петь опер. Музыка для меня не написана, Галина. Пойдемте, я провожу вас.

Г а л и н а. Нет, спасибо. *(Уходит.)*

Ч о к а н. Она обижена, и она права. Слова ей были сказаны. Может быть, из-за этого я встречусь с ненавистью любви. Ненависть любящих так же не прощает, как и любовь родных. *(Направляется к выходу.)*

Входит Ж а к ы п.

Ж а к ы п. Хороша невеста!

Чокан. Плох пустой разговор.

Жакып. Что скрываешь от меня удачу? Дочь военного губернатора двух областей, и какая девушка! *(Показывает средний палец, как у русских показывают большой палец.)* Я думаю, что ты перед отъездом в Петербург устроишь нам свадебный той¹. Я люблю пировать.

Чокан. Но я не женюсь на этой девушке.

Жакып. Большими кусками ты бросаешься, брат. Кто же будет твоей женой?

Чокан. Увидим.

Жакып. Говорят, что ты женишься: я хочу знать, что это за чудо мира, из-за которого ты отвергаешь красавицу. Может быть, ты хочешь жениться на нашей служанке Айше?

Чокан. Возможно...

Жакып. Ты думаешь, что это легко? В народе говорят: тот, кто падает с верблюда, тот падает на вату. Падающий с лошади — падает на землю. Но с осла падают всегда на камень. Ты ушибешься, Шокан.

Чокан. Обо что?

1 Той — пиршество.

Ж а к ы п. У Айши есть жених. Это сам Малтабар.

✓ Ч о к а н. Кто такой Малтабар да еще «сам»?

Ж а к ы п. Долго же ты ездил, если не знаешь первой гильдии купца Малтабара, богатства которого занимают все четыре угла света.

✓ Ч о к а н. Ты хочешь отдать этот цветок быку?

Ж а к ы п. Я никогда не видел быка с кошельком, да еще с каким!

✓ Ч о к а н. Это невозможно. Неужели мы отдадим девушку в жертву Минотавру?

Ж а к ы п. Скажи — Малтабар!

Ч о к а н. Я произношу его имя правильно. Он не Малтабар, а Минотавр.

Ж а к ы п. Не понимаю.

Ч о к а н. Был у греков герой Тезей, очистивший страну свою от насильников. Афиняне платили дань Миносу из семи девушек и семи юношей. Их отдавали на съедение быкоголовому Минотавру; Минотавр жил в подземном лабиринте. Тезей вызвался сам поехать на Крит. Он убил Минотавра и вышел из лабиринта по нити клубка, данного ему дочерью Миноса Ариадной.

Ж а к ы п. Все?

Чокан. Есть конец. Эгей ждал своих детей. В случае победы Тезей должен был траурные черные флаги корабля заменить белыми. Он забыл это сделать. Отец, увидев корабль под черными парусами, с горя бросился в море, и море стало называться его именем.

Жакып. Конец-то не очень важный. Зачем ты вспомнил эту сказку? Хочешь быть Тезеем, что ли?

Чокан. Заставят обстоятельства, — придется быть им. Придется бороться.

Жакып. Что ж, борись со своим отцом.

Чокан уходит.

Чудесный парень, но нет сейчас места для подвигов.

Входит Жайнак.

Жайнак. Где Шокан-мурза?

Жакып. Вышел.

Жайнак. Пойду искать. Его спрашивают родители.

Жакып. Они одни?

Жайнак. С ними Муса, Малтабар, акын¹ Жумагул.

¹ Акын — певец-импровизатор.

Жакып. Скажи отцу моему и матери моей, шопотом скажи, чтобы они пришли сюда.

Жайнак уходит.

Жакып подходит к столу, рассматривает книги, говорит сам себе.

✓ Арабские книги, иранские книги, русские книги, да еще какие-то неизвестные... Человек, который все это может читать, не понимает, что я больше, чем он, ненавижу Малтабара. Но что мне делать, мне, человеку из рода Аблая? Когда холодно, то сидишь около огня, разведенного из сушеного навоза.

Входит в ханской одежде отец Чокана и Жакыпа Чингис. С ним жена его Зейнеп.

Чингис. Так просто звал, сын мой?

Жакып. Решился бы я позвать к себе отца своего, хана Чингиса, если бы не грозило миру разрушение?

Зейнеп. Поссорились?

Жакып. Ваш любимый, ваш святой сын Шокан жалеет нашу рабыню. Он не позволяет выдавать дочь Самата замуж за Малтабара.

✓ Чингис. Ну, мир еще не разрушается.

Зейнеп. Куда же уйдет мальчик мой из-под моей воли?

Жакып. Он уйдет на дорогу дурачества. ✓

Зейнеп. Говори без хулы и зависти.

Жакып. Как говорить без гнева? Уже месяц скоро, как мы со всей семьей — с родней близкой и дальней — тратимся в Омске, а этот чтец книг не понимает, что мы без Малтабара не смогли бы выдержать даже однодневного расхода. И сейчас-то должаем. ✓

Чингис. А ты ему это говорил?

Жакып. Я у вас как будто и не старший. Вы ждете, что он из Петербурга привезет целую телегу чинов, а вот мы уже сейчас погибаем с голода.

Чингис. Не потей зря, сын мой. Шокан уедет завтра, сегодня я скажу ему: ты прав, как всегда.

Зейнеп. Ты стал коварен, как купец. Ты хочешь сейчас продать своего сына.

Жакып. Мать заступает за любимого сына. Будем молчать.

Зейнеп. Молчи, или я скажу, что в тебе пропало мое воспитание и что я напрасно кормила тебя своим молоком.

Жакып. Мама, пойми — в степь пришли деньги. Скот стоит денег, скоро трава будет

стоит денег, а денег нет в роде Аблая. И мы — пыль у копыт стад Малтабара.

Чингис. Малтабар и Муса в саду. Позови их, сын.

Жакын уходит. Входит Чокан, садится на диван.

Зейнеп. Разве здесь не с кем здороваться, сын?

Чокан. Прости меня, мама.

Зейнеп (*гладит его по голове*). Ты — ребенок мой, солнце мое, ведь с тобою говорит мать, которая просит бога, чтобы колючки, на которые может наступить твоя пятка, лучше бы вонзились в ее сердце.

Чокан. Ах, мама, может, у нас общее сердце! (*Ложится на диван.*)

Зейнеп. Ты устал? Отдохни!

Входит Малтабар, одетый по-аульному, неряшливо. С ним Муса, акын Жумагул с кобызом¹ в руках. Чокан лежит закрывши глаза.

Чингис. Гости дорогие, проходите на почетное место.

Муса. Шокан спит? А я позвал для него

¹ Кобыз — казахский национальный музыкальный смычковый инструмент.

акына, чтобы получить от него за это подарок.

Чингис. Когда ты будешь говорить — ✓
«возьми» и перестанешь говорить — «дай»?

Жумагул. Хорош подарок, который дает жених, когда посмотрит брата невесты. Вот спит Шокан-мурза. Мы должны ждать подарок от Малтабара.

Малтабар. Возьми все, что тебе приглянется.

Муса. Малтабар щедр, акын. Но ты сперва похвали его в песне.

Жумагул. Акын любит подарки, но песня любит слушателей. Шокан-мурза спит.

Чокан (*поднимает голову*). Я знаю вашу песню, акын. Вы ее не пойте. Сыграйте кюи¹ «Погибшая сестрица».

Жумагул. Хорошо, мурза. (*Перебирает струны, начинает играть.*)

Чокан. Нет, я не то хотел.

Жумагул. А может, «Эркетай-утопленницу»? Я редко играю это в богатых юртах.

Чокан. Я не помню, в чем дело в этой песне.

Жумагул. У одного бедняка была дочь, красотой подобная луне и солнцу. Один бай

1 Кюи — мелодия, песня

хотел взять ее в младшие жены. Он был стар. Она утопилась...

— Чокан. Сыграй... Хорошая музыка...

Жумагул собирается играть.

Малтабар. Мне пора ехать.

Чингис. Почему Малтабар не хочет сегодня обедать у Чингиса?

Малтабар. Дела не дают купцу покоя. Я должен получить двести ящичков чая у китайского купца, посмотреть кожи — триста тюков — у одного русского.

Зейнеп. Из дома нельзя уезжать, не покушав.

Малтабар. Ничего, это же мой дом. Мои стены на меня не обидятся.

Чингис. Как же так?

Чокан. Ничего, Малтабар, не оставляй дел, я не обижусь.

Малтабар уходит.

Чингис. Какое слово он сказал? Дом, в котором я живу, — его дом? Ну, хорошо: на воротах написано, что это дом Малтабара. Но в нем живет хан Чингис.

Чокан. Да, хан Чингис, потомок хана Аблая, который управлял всеми казахами.

Чингис. Зачем же ты, Шокан, пренебрегаешь нужным человеком?

Чокан. Сказал бы — и «многоскотным». ✓

Муса (останавливает Чингиса). Подожди, зять! Вы, потомки Аблая, подобны волчатам, которые, не успев еще стать на ноги и не успев открыть глаза, уже грызут друг друга.

Жакып. Нас уже не несут наши ноги, у нас уже закрываются глаза.

Муса. Пусть я буду судьей: тринадцать сыновей Аблая разбрелись по тринадцати родам, не умея дружить. Вы теряетесь, как река в песке.

Чокан. То, что произошло в степи, не поправишь утешениями. ✓

Муса. Надо думать о ханской мести, о славе.

Чокан. Что же, слава в сундуке Малтабара, а ключ — у него в руках? ✓

Чингис. У кого же больше?

Муса. Слушай меня правым ухом, зять. Нет в Омске начальника, которого нельзя склонить взяткой. Малтабар сыплет деньгами, и люди сбегаются, как куры на просо. Но Шокан едет в Петербург, а мы радуемся этому. Родители его остаются здесь. ✓

424784

Чокан. Не петляй, как заяц. Скажи прямо.

Муса. Подставь и ты правое ухо. То, что осталось в руках твоего отца, — это очень мало, и оно тает, как кусок льда в руке, — это «оно» — султанский титул. Идут выборы. Твоего отца не переизберут. Русским больше не нужно потомков хана. Эрден не из рода Аблая, значит, будет покорнее. Он будет бороться за место хана. Покамест враги молчат. Они боятся твоей славы: все знают, что царь вызывает Шокана.

Чингис. Так говорят не только казахи, но и русские. Ты пишешь книги, ты проходишь дороги, которые были неизвестны никому. Ты — нужный человек, но мы ничего не можем сделать без Малтабара. Но вот рассуди, Муса. Перед тобой твой племянник, а мой сын, он не хочет помочь своему роду в последний час.

Чокан. Я хочу помочь своему народу.

Чингис. Что значит — народ?

Чокан. Наш народ — казахи. Не меньшинство его, которое хочет чинов, а большинство, которое хочет воли и знания.

Чингис. Иди в степь, найди свое большинство, осчастливь его.

Чокан. Пойду, попытаюсь осчастливить.

Муса. Дадите ли вы мне слово — вы — отец и сын?

Зейнеп. Шоқан, не перебивай старших.

Муса. Ты едешь в Петербург? На чем ты едешь?

Чокан. На лошадях.

Муса (*перебивает его*). Так Малтабар и готовит лошадей. До самого Петербурга. Он готовит двух лошадей и двух в запас. И еще двух. Это самые красивые кони в степи. Они могут перегнать ветер.

Чокан. Хорошо, я возьму лошадей. Чем же я буду расплачиваться?

Муса. Расплата легка — народ твой говорит: когда богатеет узбек, он строит дом, когда богатеет казах, он женится. Малтабар возьмет красивую невесту, и мы будем квиты.

Чокан. Плата дешевая. Какую же дочь отдаст ему хан Чингис? Вероятно, мы меняем сестру мою Ракию на коней?

Зейнеп. Вот ты ничего не знаешь, потому что никогда не бываешь дома, и потом напрасно сердись. Малтабар — грубый человек и не подумал даже о настоящей женитьбе. Мы отдаем ему девочку-сироту, дочку этого несчастного Самата. Видишь, как все хорошо устроилось. В доме нашем ничего не убывает.

Чокан. А она?

Зейнеп. Я ей сказала. Так нужно, это необходимо. Дом господ твоих и дом Шока-на гибнет.

Чокан. Пусть гибнет — я не согласен.

Чингис. Мне это говорили, но я этому не верю. Что она тебе — сестра?

Чокан. Отец, я не был плохим сыном и не пререкался с тобой и не хочу этого делать и впредь. Но если ты задумал злое дело, я буду бороться с тобой, и только там, где не осилю, там и остановлюсь, а остановлюсь только тогда, когда упаду. Я не уеду в Петербург, пока вы не откажетесь от этого дела.

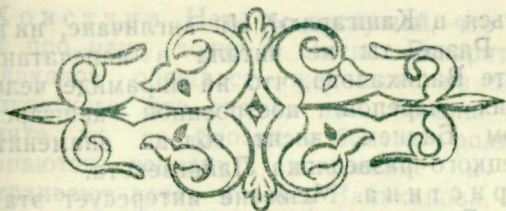
Муса. Ты говоришь безумные слова.

Зейнеп. Одумайся, сынок. Мы и в самом деле живем в чужом доме. Мы зашли в тупик.

Чокан. Я сказал все обдумав, мама. Думайте вы. (Уходит.)

ЗАНАВЕС

А К Т В Т О Р О Й

Кабинет в квартире крупного провинциального чиновника. Тяжелые драпировки на окнах, зеркала в резных деревянных рамах. Картины в тяжелых золоченых багетах. Бронза. Гравюра Чарльза Диккенса. Военный губернатор господин Гутковский сидит в домашнем шелковом мелкостеганном халате, рассматривая журналы. С угрюмым и вызывающим видом входит жена его — Христина Андреевна. Гутковский поднимает глаза и заговаривает, явно желая отвести грозу.

Гутковский. Дорогая моя, номер «Современника» великолепен. Добролюбов ослепителен. Я ценил его еще в Петербурге.

Христина. Меня не интересует Добролюбов, меня интересует Валиханов.

Гутковский. О нашем Валиханове пишут очень много. Кто мог, кроме него, про-

браться в Кашгарию? Ни англичане, ни немцы! Разве ты не читала в напечатанном отчете Валиханова, что на пирамиде человеческих черепов, построенной кашгарским ханом Балием, висит голова знаменитого немецкого разведчика Лайнгвенета.

✓ Христина. Меня не интересует эта голова. Валиханов, к сожалению, жив и здоров. Вот я теряю голову в этом городе сплетен. *(Вынимает маленький платочек и начинает плакать, прикладывая платочек попеременно то к левому, то к правому глазу.)*

Гутковский. Христина, что с тобой?

? Христина. Выйди на улицу; зайдя к кому-нибудь, и ты услышишь, как треплют наше имя и соединяют с именем Валиханова, этого казаха, у которого вместо лица коричневая фаянсовая тарелка.

19 Гутковский. Я горжусь, если мое имя соединяют с именем Валиханова. Нас ругают, про меня самого говорят, что я взяточник, что мы здесь интересуемся только картами, но есть Валиханов, есть русское движение от оазиса к оазису, от ханства к ханству. Есть овладение Востоком и есть узнавание Востока. И работа моя имеет смысл. Вот почти, что пишут про Валиханова в русских и английских журналах.

Христина. Нет, ты послушай, что говорят про нашу дочку в Омске. Говорят, что Валиханов обещался жениться на дочери Гутковского, что она за ним бегала, а он, видите ли, ее бросил, а бедные родители стараются исправить положение и даже устраивают вечер в честь Валиханова, когда он уезжает в Петербург, оставив их дочку опозоренной.

Гутковский. Ну, пускай клеветуют тебя, кого ты не пригласила.

Христина. Они болтают, что мы тратимся на этого киргиза.

Гутковский (обиженно). Ну, вот и тратимся! Весь раут оплачивает этот милый купец первой гильдии Малтабар. Должен же он поддерживать просвещение. У тебя даже останется кое-что для хозяйства от этого раута.

Христина. Да, а потом из-за таких пустяков будут говорить, что ты взял и на Антония и на Онуфрия, а наша дочка на этом вечере будет рядом с Валихановым. А что если эти сплетни услышит Николай Леонович?

Гутковский. Майдель, конечно, Валиханова не любит. Но этот атлас не уйдет от

нас. Гутковский очень нужен Майделю. Лучше бы выбрала наша дочь Валиханова.

Христина. Майдель — человек нашего круга. Наконец, он мой соотечественник.

Гутковский. Конечно, он твой немец, а не мой поляк. Но Валиханов — молния. Это человек, который освещает всю страну. У меня есть совесть, Христина, я либерал, и мне легче, когда я знаю, что ученый Валиханов, передовой человек, вырос в моем доме и считает меня своим другом.

Христина. Ну, что особенного в том, что потомок грязных ханов под именем купца ездил к каким-то дикарям. Обыкновенное путешествие.

Гутковский. Ты не понимаешь славы этого дела. Ну, конечно, ты защищаешь честь своей дочери. Я тоже не враг Галине.

Христина. Почему же ты спокоен?

Гутковский. Я не спокоен. Но у меня есть в душе одно чистое место. Я вспоминаю Лермонтова с его мечтой о роли России на Востоке, Грибоедова да и Пушкина. Пушкин говорил о том, что у нас есть кровное свое дело на Кавказе и в степях Оренбурга.

Христина. Ты за это дело получаешь

жалованье, и как его делать — тебе дали инструкции, а Пушкин тут не при чем.

Гутковский. В пограничной черте России есть слабое место, есть незащищенные ворота, — это Кашгария. Мы должны были разгадать эту загадку, и ее разгадал Валиханов. То, что мы приносим в Среднюю Азию, выше варварства ханов, я об этом смею сказать даже перед лицом Добролюбова. Валиханова уважают все. Ты не думай, что дружба с ним для меня опасна. На аудиенции во дворце государь расспрашивал меня о Валиханове.

Христина. Все равно он больше не жених Галины.

Гутковский (*целует ее в лоб*). Для того чтобы гнуть дерево, его надо распарить. Не надо быть резким. Я пойду одеваться. (*Уходит.*)

Христина. Милый мой либерал в халате, я-то лучше тебя знаю, как надо тебя гнуть.

Входит Галина.

Галина. Вечер у нас состоится?

Христина. Будет и Валиханов. Нам придется еще раз принять этого азиата.

Галина. Мне все равно.

Христина. Девочка моя, когда я была в Смольном, в институте благородных девиц, я мечтала о кавказском герое Амалат-Беке. Ну, что ж, ты получила урок от жизни.

Галина. Я очень прошу не репетировать со мной мои уроки.

Христина. Я очень прошу не делать матери замечаний... Но все же я радуюсь, что ты хороша с Николаем Леоновичем. Барон. Красавец. Начальник округа. Будущее перед ним открыто.

Галина. Пойдем, мама.

Входит мальчик лет шестнадцати — Володя, в костюме казачка.

Володя (докладывает). Его превосходительство Дюгамель.

Христина. С ним кто?

Володя. Чокан Валиханов.

Христина и Галина уходят.

Разлюбили в этом доме Чокана Чингисовича. (Уходит.)

Входят Гутковский в парадной форме, Дюгамель и Чокан.

Дюгамель. Карл Казимирович, ваш Омск — чортова песочница, я чуть не задохнулся в пыли.

Гутковский. Если бы ваши планы были осуществлены, все улицы Омска были бы покрыты деревянным настилом.

Чокан с непроницаемым видом начинает разыгрывать старого генерала. ✓

Чокан. Самые увлекательные романы Жюль Верна не доставляют мне большего наслаждения, чем беседы с вашим превосходительством. !

Дюгамель. А я за семидесятидвухлетнюю жизнь не помню такого внимательного слушателя.

Чокан. И ваши планы, ваше превосходительство, были основаны всегда на строгом знании края. ✓

Дюгамель. Да, мы с вами много поездили, молодой человек. Помните, у одного бая в Акмолинском уезде мы видали семнадцать тысяч лошадей?

Гутковский. Хороши кони?

Дюгамель. Мелковаты... Летом им жарко, зимой им холодно. Я подсчитал, что всего у казахов двадцать два миллиона голов скота, причем не менее десяти миллионов лошадей. Про баранов я не говорю — кто их считает.

Чокан. Это можно узнать в справочнике. ✓

Но дальше идет размах мысли человека государственного.

✓ Дюгамель. Десять миллионов бедных, бесприютных лошадей! Казахи, конечно, не понимают, что делать с этим скотом. Я знаю: лошадь должна стоять в стойле. Я сам жил в деревне, но в Акмолинской степи нет ни стойла, ни дерева. Надо погнать лошадей в тайгу, привязать к каждой лошади по бревну, и сразу мы притащим десять миллионов бревен. Чепуха... Надо привязать по два бревна, будет двадцать миллионов. Везти лучше зимой, по снегу бревно скользит лучше.

Гутковский. Что будут есть эти кони в дороге?

✓ Дюгамель. Они как-нибудь обойдутся. А если они сдохнут, то мы организуем кожевенную промышленность, получив десять миллионов шкур. (Зевает.) Вообще у меня много грандиозных планов. Например, можно было бы разводить в степях страусов, страусовое перо в моде.

Гутковский. Яков Гансович, может быть, вы отдохнете, пока соберутся гости, и потом дорасскажете?

Дюгамель. Непременно расскажу. Знаете, я пока лягу.

Чокан. Я провожу гостя, Карл Казимирович. (Уводит Дюгамеля.)

Гутковский. Что за фантазер! Не даром говорят, что у нас от плохих распоряжений спасает только плохое выполнение приказаний. Дай ему волю, и он обратит всю Среднюю Азию в пустыню.

Входит Чокан.

Он лег?

Чокан. Даже успел захрапеть. Он еще бормотал что-то, но мне уже не было смешно. Ведь это степной генерал-губернатор. Одних казахов под его властью больше двух миллионов человек. Этот край на самом деле по богатству не имеет равных в мире, и им управляет человек, вставший в детство.

Гутковский. Дорогой Чокан, в степи от Дюгамеля ни холодно, ни жарко.

Чокан. В степи очень холодно, очень жарко, и степь беднеет, а могла бы богатеть.

Гутковский. Понимаю, дорогой Чокан, одно время я и сам волновался из-за этого. Но нехорошо жаловаться на свое начальство.

Входит Володя.

Володя. Пришли его высокоблагородие господин Майдель и родственник Чокана Чин-

гисовича. Христина Андреевна просит вас в гостиную. (*Уходит.*)

✓ Гутковский. Идемте, Чокан. Будете в Петербурге, расскажите вашим друзьям о степных уродах и фантазерах.

Все уходят. Через мгновение входит Майдель — молодой чиновник в форме статского советника, с ним Галина.

Майдель (*рассматривая бронзу*). Да, это хорошая старая китайская ваза. Такие вазы полируют в Китае соломенными жгутами. У вашего отца превосходные вещи. А что это за картина?

✓ Галина. Это рисунок одного ссыльного. Он — известный поэт, может, вы слыхали, — Шевченко.

Майдель. Нет, не слыхал.

Галина. А отец говорил, что это довольно известный человек.

✓ Майдель. Разрешите мне, как вашему старому другу, сказать, что отец ваш, которого я глубоко уважаю, что наш дорогой Карл Казимирович увлекается. Почему устроен, например, этот пышный вечер в честь Валиханова, который всего только обер-офицер?

Г а л и н а. Мой отец — либерал. Кроме того, надо создать отношения с туземцами.

М а й д е л ь. Пусть так, но надо же соблюдать расстояние. Я вас уверяю, Галина Карловна, что Карл Казимирович будет раскаиваться в том, что афиширует свои связи с господином Валихановым.

Г а л и н а. Почему вы не предупредите отца?

М а й д е л ь. Я — рыцарь, я скромн. Не секрет, что одно время Валиханов ухаживал за вами, не секрет для вас, что я вас люблю и был бы счастлив стать вашим мужем. Поэтому я не могу говорить дурно про Валиханова, хотя на него есть очень серьезный материал в жандармском управлении. Валиханов не будет хорошо принят в Петербурге. Я с рыцарской прямою могу сказать, что материал уже послан. Он прибудет раньше нашего молодого друга, и женщина, которая связала бы свою судьбу с Валихановым, не была бы счастлива.

Г а л и н а. Такой женщины здесь нет, Николай Леонович.

М а й д е л ь. Вы радуете меня, Галина Карловна.

Г а л и н а. Дорогой друг, я могу обрадовать вас еще больше. Я много думала о том,

что вы мне говорили... Что касается этого Валиханова, я бы хотела, чтобы дело обошлось без трагедии, чтобы он не пострадал. В конце концов то, что делал Чокан Чингисович, только смешно. Казах-фурьерист! Казах, увлекающийся социальными утопиями.

Входит Володя.

Кто там еще?

Володя. Галина Карловна, вас просит Христина Андреевна. *(Уходит.)*

Галина. Мы не пойдем, Николай Леонович?

Майдель. Спасибо, я пойду после.

Галина уходит. Майдель остается один. Рассматривает рисунки и картины на стенах. Останавливается перед гравюрой, изображающей нестарого человека в светлых клетчатых брюках. Читает подпись: «Чарльз Диккенс».

Что-то я слышал... Но какие пустяки в голове этого Гутковского.

Входит пожилой немец в жандармском мундире — начальник областного управления полиции Фридерикс. Фридерикс и Майдель здороваются.

Как приятно нам встретиться, господин Фридерикс, на проводах Валиханова.

Фридерикс. Есть хорошая русская по-
словица: подальше поедешь, потише прибу-
дешь.

Майдель. Валиханов долго будет в мо-
де в Петербурге?

Фридерикс. Дело сложное. Россия вол-
нуется. Люди ждут реформы. Вероятно, они
вообще будут, эти реформы, но при какой
погоде — трудно делать предсказания. Мо-
жет быть, Валиханову предложат выехать.

Майдель. Генерал-губернатором степ-
ных областей?

Фридерикс. Не думаю. По-моему, его
превосходительство господин Дюгамель на-
прасно волнуется. Валиханов его не сместит
и не разгонит нас, немцев, собравшихся во-
круг него в степных управлениях.

Майдель. Фридрих Фридрихович, ведь
эта тревога была и вашей.

Фридерикс. У меня она была до тех
пор, пока я не имел под рукою на Валиха-
нова достаточно материала.

Майдель (*весело*). Расскажите о них...

Фридерикс. У нас для него отведены
очень толстые папки. Он связан с петрашев-
цами, в особенности с Достоевским и Дуро-
вым. Говорят о том, что Валиханов хорош
и с сибирскими народниками — Потаниным,

Ядренцевым. С ним виделся Бакунин проездом. Я думаю, этого достаточно, чтобы его не очень хорошо приняли в Петербурге.

Майдель. А дела Валиханова за кордоном?

Фридерикс. К сожалению, с русской точки зрения они безукоризненны. Это очень большой, очень умный ученый разведчик. С большими планами. А вы хотите, чтобы Валиханов совсем остался в Петербурге. Но вы знаете, в Петропавловскую крепость еще не сажали ни одного сына хана. Русские патриотичны и берегут это помещение для своих.

Оба смеются.

Майдель. Нет, дорогой друг, с истинно немецким благодушием могу сказать, что я желаю для Валиханова тихой частной жизни. Для этого у меня даже есть некоторые сентиментальные основания. Я уважаю этого человека, хотя он, конечно, полуученый, полупутешественник, полупринц. Я бы только хотел, чтобы он не был офицером.

Фридерикс. Валиханов еще не ясен для меня.

Майдель. Берегитесь его. Он очарователен. Он умеет говорить с женщиной, с каш-

гарским ханом, с губернатором — с любимым человеком, которого он захочет очаровать. Он может очаровать даже царя.

Фридерикс. Может, можно дело уладить миром? Предоставить ему лен где-нибудь вне Омска, чтобы он не смущал наших женщин и стал нашим вассалом?

Входит Чокан Валиханов.

Чокан. Здравствуйте, господа! Потанина здесь нет?

Фридерикс. Здравствуйте, Чокан Чингисович, я рад завершить в сегодняшний день долгий период нашей дружбы. Я заинтересовался вами, когда вы появились в доме Гутковского. Я и тогда думал, что вы далеко пойдете.

Майдель. Здесь вы оставите друзей. Место здесь ваше не будет занято, как говорят на Востоке.

Чокан. Приятно, что я оставляю дружескую компанию, и вы, господин Фридерикс, и Майдель, — вы, конечно, связаны, кроме того, узами патриотизма?

Фридерикс. Какого патриотизма?

Чокан. Немецкого.

Фридерикс (смеется). Отчего? Мы —

русские верноподданные. И здесь и на Кавказе.

✓ Чокан. Везде, где надо проявлять последовательную жестокость?

Майдель. Нет, везде, где надо проявлять последовательность, кажущуюся жестокостью.

Фридерикс. Будем говорить откровенно. Вы знаете, что ваш двоюродный брат генерал-лейтенант Султан-газы Аблайханов является флигель-адъютантом министерства двора.

✓ Чокан. Я с ним не переписываюсь.

✓ Фридерикс. Очень достойный человек. Но, конечно, он не имеет ваших знаний и вашего европейского имени.

|| Чокан. Много обязан за комплименты.

✓ Фридерикс. Ваш друг Потанин увлекается якутами, бурятами, тунгусами. Словом, любит всякий народ. Хочет превратить их в культурные народы. Он — демократ.

! Чокан. Он — настоящий русский человек. Он знает, что эти народы могут достигнуть высокой ступени развития через богатую русскую культуру.

Майдель. У казахов есть своя история, и для того, чтобы снова выйти на арену политической жизни, им нужно идти за каким-

нибудь большим культурным народом. Вы — ученый. Ведь вы не уважаете наших географов?

Чокан. Извините, если я перебую вас. Говоря откровенно, я люблю писателей и композиторов ваших... Гёте и Бетховена, но не ваших географов, тем более путешественников. Я прошел по путям, по которым шел до меня ваш Лайнгвенет. К сожалению, должен сказать, что я нашел гору черепов и наверху его череп. Я, человек русской культуры, сумел пройти там, где он не смог пройти, я сумел вернуться оттуда, откуда он не сумел вернуться.

Майдель. Тем интереснее нам говорить с вами.

Чокан. И я сумею не пойти туда, куда вы идете.

Фридерикс. Давайте выясним отношения. Ваши книги переведены на немецкий язык. Почему вам не быть другом немцев? Это вам очень облегчит ваше пребывание в Петербурге.

Чокан. Может, вы мне скажете яснее, чего вы от меня хотите?

Фридерикс. У нас культурная миссия в этой стране. Богатства Казахстана огромны. Здесь дружеское товарищество людей.

европейцев, которые впоследствии помогут Европе просветить эту страну. У нас здесь могут быть свои торговые интересы. Вы — не русский. Зачем вам дружба с Потаниным, Дуровым, Достоевским, с какими-то разжалованными солдатами, а не с людьми, которые уже сейчас заведуют местными народами.

Чокан. В книге христиан — Евангелии — рассказывается о том, как дьявол искушал Иисуса: «Поклонись мне, — говорил дьявол, — и станешь владыкой мира».

Майдель. Знаете, я хороший христианин, но должен сказать, что у Иисуса были потом большие неприятности, когда он не поклонился.

Чокан. Нет, я остаюсь с русской культурой. Она мне ближе. Я — ученик Чернышевского, Белинского.

Из-за сцены доносятся веселые возгласы, смех.

Майдель. Ну, что ж, счастливого пути, Чокан Чингисович.

Фридерикс и Майдель уходят.
Входит Володя.

Володя. Чокан Чингисович, вы такой грустный, а гости ждут вас, говорят речи, пьют.

Чокан. Пойдем, голубчик. Я очень жалею, что ты не поедешь в Петербург со мной.

Володя. Я тоже, Чокан Чингисович. Но я догоню вас. Непременно закончу в этом году реальное училище, поеду учиться в Петербург. Карл Казимирович мне обещает устроить.

Чокан. Куда поступаете?

Володя. Сам еще не знаю.

Чокан. В горный, Володя. Непременно туда. Закончишь — вернешься в нашу степь. Недра ее богаты.

Володя. После ваших рассказов и сказок о подземном богатстве степи я и сам захотел стать геологом.

Чокан. Надо, надо, Володя!.. Ну, пошли! ✓

Направляются к двери. Навстречу им — Потанин.

Потанин. Чокан, я искал тебя по всему дому. Ну, покажи, как ты выглядишь. Красив, очень красив! 72.и

Чокан. А ты возмужал. Какая у тебя борода!

Они целуются.

И борода жесткая! Совсем возмужал!

Потанин. Это ты возмужал. Я слежу за твоими статьями — как ты вырос!

✓ Чокан. Ты учился в роте, я — в сотне. Нас было сорок пять ребят, тебя все любили.

✓ Потанин. Ты был самый веселый.

Володя. Чокан Чингисович, вы же теперь невеселый. Мы не узнаем вас.

✓ Чокан. Невесело на родине. Губернатор Дюгамель, прокурор Киндерман, судья Фильбаум, начальник приказа Майдель, жандарм Фридерикс — все немцы. Во всем доме русский — один Потанин.

Потанин. И тот, скажу тебе секрет, — под надзором.

Чокан. А положение русского народа? Здесь часто он беглец, арестант, солдат, хотя и совершает великие дела.

Потанин. Где же выход, Чокан?

✓ Чокан. Вот поеду в Петербург — узнаю.

Потанин. А что на сердце? Как твои дела? Ты, говорят, жених Галины Гутковской? Красивая барышня!

✓ Чокан. Брось, Григорий! Если бы я захотел жениться, я женился бы на одной казашке. Чудесная девушка. Ты знаешь, она много открыла мне в нашей культуре. Она, как степные растения, у которых длинный-

длинный корень. Наши степные травы крепки, пахучи...

Потанин. Я не вижу причины для горя.

Чокан. Фурье говорил, что каждая эпоха вращается вокруг своей оси. Деньги — ось нашего времени. И вот эту девушку отдают в младшие жены богатому купцу.

Потанин. Обыкновенная история. Все это уже сделано?

Чокан. Я уговорил своих родителей.

Потанин. Прости, Чокан, ты веришь слову?

Чокан. Я не верю даже своему отцу. Но мне дала слово мать. Она не может меня обмануть. Она лучше вонзит в сердце свое колючку, чем даст ей мне поранить ноги.

Потанин. А разве люди вольны в решениях?

Чокан. Мать сказала: правдами и неправдами я буду защищать и не доведу ее до грани гибели. А она — глава нашего дома. Мне надо ехать в Петербург. Вернусь — женюсь. *(Берет Потанина под руку.)* Ну, пойдём!

Идут к двери. Навстречу им, с заспанным видом, входит Дюгамель.

Дюгамель. Господа офицеры, утро?..

Чокан. Вечер, ваше превосходительство.

Дюгамель. Ага, вечер... А это кто? Потанин! Очень хорошо помню — Григорий Потанин. Мыслитель Сибири. Мысль — дело хорошее.

Потанин. Совершенно верно, ваше превосходительство. Немножко утомительно это дело — мыслить, но приходится.

Дюгамель. Я мыслю. Следовательно, и существую. И вот я вижу, что сейчас вечер, проводы, значит, надо выпить, а нето заболит голова. Вот что значит много мыслить.

Чокан. Володя, принеси сюда вина!

Дюгамель. Простите, Чекан, Челкан. Чилгис, Чокан Чингисович. Кажется, правильно?

Чокан. Приблизительно...

Дюгамель. Как трудно усваивать варвские языки! Кстати, в Омске у нас много говорят о Диккенсе. Говорят, прибыл Диккенс или прислали Диккенса. В конце концов я — генерал-губернатор. Почему этот Диккенс не представился мне? О нем шумит весь Омск. Если его прислали, он, вероятно, один из петрашевцев?

Чокан. Приблизительно...

Дюгамель. Где же он?

Чокан. Найдется, если поискать. ✓

Дюгамель. В этом доме, что ли?

Чокан. Возможно... ✓

Дюгамель. Пускай он придет сюда.
Пускай не боится.

Чокан и Володя уходят. Входит Гутковский.

Гутковский. Вы здесь? А гости скучают без вас.

Дюгамель. Пускай придут сюда. Я — старый человек, и мне здесь хорошо. (*Обращается к Потанину.*) А вы любите его — этого казаха?

Потанин. Разве можно не любить такого человека? И

Дюгамель. И вы любите, Карл Казимирович?

Гутковский. Я его воспитал и горжусь этим.

Дюгамель. Все это очень хорошо, но он много мыслит.

Потанин. Вы же сами говорили, что надо много мыслить.

Дюгамель. Верно, очень верно. Но надо мыслить соразмерно чинам. Вот я имею ✓

очень большой чин — мысляю, и то меня это утомляет.

Входит Чокан, за ним — гости.

Ну, а где же этот Диккенс?

Гости переглядываются с удивлением.

✓ Чокан. Сейчас явится, ваше превосходительство.

Дюгамель. Слишком много мыслит этот Диккенс. Я же ему велел явиться сюда.

Чокан. Может, сперва выпьем?

Дюгамель. Пускай он выпьет вместе с нами.

Гутковский. Что это за недоразумение?

Чокан. Его превосходительство требует к себе Чарльза Диккенса.

Гутковский. Это недоразумение. Что вы делаете, Чокан?

Дюгамель. Пускай явится сейчас же!

✓ Чокан. Приказание вашего превосходительства — закон! Познакомьтесь! *(Показывает на гравюру, изображающую Чарльза Диккенса.)* Господин Диккенс явиться не может ввиду длительного своего пребывания в Англии в должности романиста.

Гости смеются.

Дюгамель. А почему же говорили, что его прислали?

Гутковский *(стараясь замять инцидент)*. Его превосходительство шутит. Прислали книги Диккенса.

Галина. Чокан, это невежливо. Это можно было сделать не в нашем доме.

Дюгамель *(смеется)*. Очень, очень остроумно! Смеются над стариком. Может быть, и вы, господин Чокан Чингисович, тоже будете старым, и только не знаю, будут ли у вас такие усы под старость, как у меня, и столько орденов. Нальем бокалы!

Володя наливает всем.

Я очень старый человек и знаю хороший русский обычай: перед дорогой надо присесть. Присядемте. И ты, мальчик, присядь. За что пьем?

Чокан. За дружбу казахского народа с великим русским народом. За хозяина дома и за друга нашего — Григория Потанина! ✓

Дюгамель. Нет, этот тост должен быть мой. Я здесь самый старейший. Я много мыслил и придумал хороший тост. За знамени-

207-161
того путешественника Валиханова, который так любит смеяться, и за тех, которые будут смеяться последними. Выпьемте, молодой друг!

Гутковский. Стоит ли придавать значение шуткам?

Дюгамель. Выьем, выьем... Это, как русские говорят, — хороший посошок на дорогу.

З А Н А В Е С

А К Т Т Р Е Т И Й

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Богатая юрта. Вход ее обращен по древнему обычаю прямо на восток. Свет проникает через дверь и сверху через дымовое отверстие; белые кошмы юрты натянуты на решетки из чистых деревянных шестов, связанных сыромятными ремешками. Левая, более почетная, половина — мужская, правая — женская. По середине юрты — очаг.

Через вход в юрту видно озеро, густо поросшее камышом. Горы покрыты соснами, березой и тянущейся к свету осиной. За озером — горы.

Юрта кажется богатой и праздничной. На почетном месте, на тюфяке, покрытом мехом, лежит мрачный Чингис. В руках у него письмо, видно, не раз прочитанное.

В юрту входят Зейнеп, потом Жайнак.

✓ Зейнеп. Чтоб тебе пусто было, чтоб тебе надуло ветром. Где ты пропадал весь день? Расстели скатерть, принеси кумыс. (Садится.)

Жайнак снимает с деревянного остова юрты висящую на ней скатерть.

Чингис (кричит). Не надо стлать.

Зейнеп. День знойный, выпей кумыса.

Чингис. Зачем мне пить, когда мне кажется, что все мои внутренности набиты льдом и что я сам мертв, как мерзкий мертвый баран.

Зейнеп. Стели скатерть, Жайнак, ставь шару.

Жайнак ставит большую деревянную расписную чашу.

Чингис. Зачем пить мертвому человеку?

Зейнеп. Что за беда в нашем доме?

Чингис. Разве ты не знаешь о нашем величайшем несчастье?

Зейнеп. Жайнак, выйди-ка на минуту.

Жайнак направляется к выходу.

Чингис. Постой! Так у кого же остановился Малтабар?

Жайнак. У Танарыка.

Чингис. А когда он покинет этого многоскотного плута и придет ко мне?

Жайнак. Он сказал, что придет, когда выздоровеет.

Чингис. Чем он болен?

Жайнак. Он сидит, укутавшись, как баба, родившая восьмого ребенка. Перед ним стояло мясо барашка и шара с молочной лапшей. Я поклонился и сказал ему: что с вами? Он сказал: «У меня приступ обычной болезни» и опустил в чашку ложку величиной в две горсти. Пот струился с него. Вряд ли существует на свете другое животное с таким вонючим потом.

Чингис. Я не посылал тебя нюхать. Иди, поклонись ему еще раз. Передай, что я спрашиваю о его здоровье.

Жайнак. Я не рассказал всего. Я видел его позади юрты. Он производил нечистоты, не отойдя от места, где живут люди. Ветер дует с той стороны, и мне кажется, что он еще там.

Чингис. Пойди и передай ему мое почтение.

Жайнак. Ну, хорошо, я зажму нос, но что я ему скажу?

Чингис. Не говори ничего, а кланяйся!

Жайнак. Хозяин, надо ли суетиться

перед этим человеком, который явно оказывает неуважение твоему древнему дому?

Чингис. Уходи.

Жайнак уходит.

(Обращается к жене.) Да, род предка моего Чингисхана неплохо был создан творцом, и я могу гордиться не одним только именем Чингиса. Но Малтабар считает мой хлеб-соль невкусным, а я в руках этого человека. Я говорил Шокану — не страдай за народ. Поговори в Петербурге о своем отце. Он этого не исполнил. Я говорил ему: проследи, чтобы наш род был записан в книгу княжеских родов. Исполнил ли он это? Нет, не исполнил. Я говорил ему: пускай подтвердят, что я султан-правитель, пускай мне хоть пришлют из Петербурга ласковое письмо. Исполнил ли он это? Что ты качаешь головой?

Зейнеп. Он сам писал нам.

Чингис. О чем он писал?.. Пишет мне — собирай сказки, песни и стихи. Было время, когда я собирал их без его совета. А теперь лучше буду собирать скотский помет. Он хоть горит, если его высушить. Если я буду собирать сказки, то про меня скажут, что я старый орел, который начал ловить мышей.

Зейнеп. О нашем Шокане пишут книги. ✓

Чингис. Я бы обменял эти книги на бауранов. Зачем в степи мне эта бумага? Кому он принес счастье тем, что так учен? Все твердит: книги, книги... Не будет ему счастья за то, что он не покоит старость своего отца.

Зейнеп. Не проклинай дитя. Он уже болен. Ты разлюбил своих. Твоя душа в руках Малтабара.

Чингис. Как уезжал Шокан в Петербург, губернатор кормил его за своим столом, Малтабар дал коней, чиновники кланялись Шокану. Враги мои притихли — думали, Шокан вернется полуцарем. А он даже не генерал. Больше того, я боюсь, не поссорился ли он с царем. Тогда нам нечего делать даже на том свете.

Входит Муса.

Муса. Привет потомку хана. Наши предки говорят: если шестилетний ребенок возвращается из путешествия, шестидесятилетний дед должен выйти ему навстречу. Таковы права путника. Я не из ханского рода, но горжусь, что мой племянник едет из Петербурга, а степь полна слухами о нем. Почему же ты не выйдешь навстречу сыну?

Зейнеп. Зять твой недоволен сыном. Он

говорит, что Шокан не привезет ни чина, ни титула.

✓ М у с а. Степь полна слухами о Шокане. По учености ему нет равных даже в Бухаре. Омск удивляется Шокану. Он — образованнейший человек России. Потомок Чингиса — великий ученый, это неплохой титул.

✓ Ч и н г и с. Сколько раз ни скажешь слово «мед», во рту не станет сладко. Слава Шокана — ветер.

Входит Ж а й н а к.

Был у него? Как он?

всего Ж а й н а к. Он похож на верблюда, который съел слишком много колючек, ночь вздыхал, а утром лежал со вздутым животом. Сейчас его живот несколько уменьшился: он опять ест лапшу. Если не считать вони, то он уже выздоровел и скоро придет сюда.

М у с а. Это кто — он?

З е й н е п. Неужели ты не понимаешь, что говорят о Малтабаре? Это только на него похоже.

М у с а. Разве Малтабар — ось мира, что о нем так спрашивает потомок хана?

Ч и н г и с. Я бы давно сговорился с Малтабаром, если бы не Шокан. Он в каждом письме спрашивает о дочери Самата. Я бы

не послушал его, но жена все время напоминает об обещании, данном сыну, и вот я сижу и кусаю пальцы.

Зейнеп. Да будет тебе.

Чингис. Что будет? Меня уж почти нет. В моих кишках уже может проползти змея, так они пусты.

Зейнеп. Жайнак, поезжай на дорогу и посмотри, не едет ли дорогой Шокан.

Жайнак. Иду с радостью. *(Уходит.)*

Муса. Кто же еще поехал встречать племянника?

Зейнеп. Поехал Жакып и все близкие и дальние родственники.

Малтабар входит.

Малтабар. Салям-аллейкум!

Чингис *(вставая)*. Аллейкум-салам! Как здоровье твое?

Малтабар. Слава создателю. Был приступ, но, когда поел немного, боль отошла.

Чингис. Я испугался, услышав о твоей болезни. *(Усаживает Малтабара между Мусой и собою.)*

Муса. Здравствуй, Малтабар. Как здоровье?

Малтабар. А у вас — здоровы ли люди и скот?

Зейнеп (встает и протягивает до двери занавеску, отделяя мужскую часть юрты от женской). Наша приемная дочка стесняется.

Чингис (хмурясь). Скажи, чтоб не стеснялась. Открой занавеску.

Зейнеп. В это дело мужчины не вмешиваются.

За занавеску проходят Ракия и Айша.

Муса (Чингису). Итак, ты родственник Малтабара, зять?

Чингис. Конечно.

Муса. Видно, бог дает большее счастье твоему рту, чем твоему лбу.

Чингис. В степи много пословиц и присловий. Один бедняк сказал богу: «Бабушка и дедушка у меня богаты. У тестя и у тещи моих много скота. Вот попробуй сделать меня бедняком, господи, боже ты мой». Малтабар — мой богатый племянник, ты — мой богатый шурин.

Муса. Ты думаешь снова выступить на выборах?

Чингис. Думаю и надеюсь, потому что только горы живут без надежды.

Муса. Это дело возможное. Имя твое — то же богатство. Меня знают в степи, я помогу своим словом, а Малтабар подопрет нас плечом своего богатства.

Малтабар. Я еще не сказал «нет».

Доносится топот конских копыт и голос Жайнака:
«Приехали!» Жайнак входит.

Жайнак. Он едет на шарабане.

Муса. Ты видел?

Жайнак. Я видел и скакал рядом с ним и жал ему руку. Рядом с ним Жакып.

На улице нарастает шум, слышен звон колокольчиков. Зейнеп выбегает на улицу с криком: «Золотой мой жеребеночек!» За ней выходят остальные, кроме Жайнака. Из-за занавески показывается Айша.

(Подойдя к ней.) Я скакал с ним рядом, и он сказал только два слова: «Где Айша?» — «В нашей юрте», — сказал я, и он улыбнулся.

Айша. О боже, зачем так высок порог необходимости?

Входит Чокан в летней форме штаб-ротмистра, с орденом Владимира на груди. За ним — Зейнеп, Чингис, Муса, Жакып, Ракия, Малтабар.
Айша прячется за занавеску.

Чокан (отодвигая занавеску). Айша!

Айша (смотрит вниз, сгибает колени и кланяется ему). Ага!..

Зейнеп. Я не успела поцеловать тебя. Какие у тебя усы! (Целует сына.)

Чингис. Садись, Шокан-жан¹.

Чокан. Если ты разрешишь, я попрошу разрешения отдохнуть.

Жакып. Мы гнали тележку по степным ухабам. Действительно, отдохнуть хорошо.

Чингис и гости уходят.

✓ Зейнеп. Я постелю тебе, луч солнца моего.

Чокан. Жажда томит, дай кумыс.

Зейнеп. Жайнак, принеси кумыс.

Чокан. Мама, пускай Жайнак посидит здесь.

Зейнеп. Я принесу сама. *(Уходит.)*

Жайнак. Мурза...

|| Чокан. Я — не мурза, и ты — не мой слуга. Называй меня Шоканом.

Жайнак. На это не решится язык.

✓ Чокан. Я прошу.

Жайнак. Мурза... Нет... Шокан... Не удивляйся, что я не встретил тебя за сто верст. Я пошел бы навстречу тебе пешком, я бы пошел навстречу тебе на руках. Но Малтабар сидит в нашем ауле, как барсук, который выслеживает овцу. И я стерег Айшу.

¹ Жан — душа.

Чокан. Спасибо, Жайнак.

Жайнак. Мурза Шокан, прости меня... Я сейчас донес свою ношу. Я доволен, мурза, прости меня.

Чокан. Что бы ни сказал твой язык про меня, сердце твое для меня бьется не страхом, а любовью. Как дела с Айшей?

Жайнак. Отец обнадеживает Малтабара.

С улицы слышен звон колокольчиков.

Чокан. Продолжай, Жайнак.

Жайнак. Это чужой колокольчик.

Звон колокольчика прекращается. В дверь входит чернобородый человек.

Чокан. Гриша!.. Потанин!..

Потанин. Чокан!..

Они обнимаются.

Жайнак. Я принесу кумыс гостю. (Уходит.)

Потанин. Усы выросли, чин прибавили, орден...

Чокан. Без хвастовства скажу — я кое-что сделал для своей страны.

Потанин. Ты сделал много.

Чокан. Ну, как в городе? Я соскучился по нашему Омску.

✓ Потанин. Я в Омске почти не был. Я собираю сейчас казахский фольклор. В Омске мне сейчас делать нечего. Там пыль и сплетни.

✓ Чокан. Конечно, сплетни и пыль, но я люблю Омск.

Потанин. Ну, а что в Петербурге?

✓ Чокан. Тот же город, та же Нева. Прекрасный город, прекрасная литература. Достоевский начал писать новый роман.

Потанин. Чем живет Петербург?

✓ Чокан. Ты же читаешь журналы. Говорят о хождении в народ, о просветительстве.

Потанин. Ты веришь?

Чокан. Чему?

Потанин. Что можно сделать что-нибудь для просвещения казахов. Где школы, где учителя, где книги?

Чокан. Что же надо делать?

✓ Потанин. Надо изменить дело в корне.

Чокан. Говори точнее: мы одни.

Потанин. Надо стремиться к демократической республике.

Чокан. Ты думаешь, что это будет завтра? Ты станешь русским Робеспьером?

Потанин. В России говорят: страна наша велика и обильна, а я говорю — надо разделить нашу страну, и пусть Урал ста-

нет новой границей. Будет тесней, но станет свободней.

Чокан. Урал — граница?

Потанин. Пускай царское правительство останется там, в европейской России. Сибирь не знает дворянства, Сибирь и степи должны отделиться от России. Освобождение крестьян не покончило с остатками феодализма в России. Крестьянство обезземелено. Сибирь не знает этих мук. Пускай же мертвый не хватает живого.

Чокан. Это только ты придумал. Россия жива.

Потанин. Иначе думаем мы, сибирские сепаратисты. Отдадим Россию ее прошлому.

Чокан. У нас, у казахов, есть свое прошлое. Лучшее в нашем прошлом то время, когда монголы были не завоевателями, а были между Востоком и Западом. И я не отказываюсь от своего прошлого. Наша родина — великая Россия — от Камчатки до Карпат и от Тянь-Шаня до Ледовитого океана. Мы идем вместе в караване русского народа.

Потанин. Какой путь каравана?

Чокан. От декабристов к петрашевцам. И дальше с друзьями Чернышевского — вперед.

Потанин. А судьба твоего народа?

Чокан. Она неотделима от судьбы России.

Идет Жайнак. В руках у него поднос с кумысом и едой. Чокан поднимает чашу.

З А Н А В Е С

КАРТИНА ВТОРАЯ

Та же юрта. В открытый вход в юрту виден изменившийся пейзаж: чуть пожелтели березы, осины по-оранжевели и резко выделяются на фоне сосен. Заметны перемены и в самой юрте: в ней стоит шкаф с книгами и походная кровать. У кровати Чокан. Он в легкой рубашке, офицерских брюках и высоких сапогах. Остальная одежда висит на адалбакане — деревянной вешалке, сделанной из дерева, на котором коротко обрезаны сучки.

Около адалбакана стоит Жайнак.

Жайнак. Осень, Шокан, но погода теплая. Что оденешь сегодня, дорогой мой? *(Берет в руки китель Чокана.)*

Чокан отрицательно качает головой.

Может, оденешь мундир?

Чокан опять отрицательно качает головой.

Может быть, Шокан поедет далеко и оденет шинель?

Чокан делает тот же отрицательный жест. Жайнак снимает с вешалки зипун. Чокан смотрит одобрительно. Жайнак помогает ему надеть зипун.

Действительно, ветер на дворе. Не выходи, дорогой, расстегнутым. Что на голову наденешь? (Молчит.) Офицерская фуражка не подходит к зипуну. Малахай... (берет в руки меховую шапку) рано надевать. И папаху рано... (Берет в руки казахскую, сверху белую, изнутри черную, шапку.) Лучше нет шапки для осени. (Надевает шапку на Чокана.)

Чокан одетый, как казах, стоит посреди юрты. Все хорошо, Шокан, кроме молчания. Такой красивый человек, с такими усами — молчит. Молчит столько времени, что можно было бы успеть подоить кобылицу.

Чокан смеется.

Чокан. Ты обиделся?

Жайнак. Кто не обидится! (Садится на кошму.)

Чокан. Ну, поговорим об охоте.

Жайнак молчит.

Ну, поговорим о конях.

Жайнак продолжает молчать.

Ну, поговорим о девушках.

Жайнак (смеется). Это ты хочешь говорить о девушках?

Чокан. Оставим шутки. Скучно и тесно ✓

в степи мне, Жайнак. Я ведь вырос в городе. К аулу я никак не привыкну. Я не знаю, что здесь делать осенью, а люди умеют наполнять свой день пирами, охотой с орлами, охотой с борзыми и долгими разговорами о скоте. Я мечтал о родине, а сейчас мне хочется в город.

Жайнак. Так поедешь в город?

Чокан. Эх, Жайнак, друг мой, город мне тоже надоел. Город мне чужд, поэтому я и приехал в аул.

Жайнак. Так останемся в ауле, мурза.

Чокан. Я не мурза. Лучше один раз честно поговорить на «ты», чем тысячу раз произносить «мы» да «вы».

Жайнак. А вот я хочу, чтобы бог меня поднял так, чтобы все мне говорили «вы».

Чокан. А я хочу, чтобы «ты» было почетно. Но как это сделать? Бороться нет сил, забыть нет сердца.

Жайнак. Мурза... нет... Шокан... вы... нет... ты... что тебе? Поедем на охоту с речетами? Нет, я придумал!

Чокан. Что ты придумал?

Жайнак. Я буду говорить с тобой о девушке. Говорят в народе: румяные яблоки ласкают взор. Глаз у тебя пустой. Я попрошу Айшу принести еду.

Чокан. А мать моя ее сюда пустит?

Жайнак. Я попрошу ее, когда матери твоей не будет рядом, и скажу, что ты болен...

Чокан. Я болен в самом деле.

Жайнак. Я уйду за лекарством. *(Уходит.)*

Чокан. В степи у меня есть друг.

Входит Айша. В руках у нее поднос, покрытый белой материей.

Добро пожаловать, Айша, разреши помочь тебе. *(Берет поднос из рук девушки, ставит на стол.)*

Айша снимает с подноса белую матерью. На подносе стоит серебряная чаша, лежит поварежка и стоят два каса.

Айша. Вот кумыс и копченое мясо.

Чокан. Садись, раздели со мной еду.

Айша. Спасибо, ага. *(Не садится.)*

Чокан. Айша, прошу тебя. Я не умею есть в одиночестве.

Айша садится. Чокан берет в руки поварежку.

Я налью кумыса.

Айша. Я сама налью, ага. *(Наливает две чашки.)*

Чокан. Я буду пить только тогда, когда ты будешь пить.

Айша берет чашку в руки и прикасается к ней губами. Чокан выпивает кумыс.

Айша, кумыс сладок, как мед. Но почему вы не пьете, сестрица?

Айша, не отвечая, наливает ему кумыс.

В городе есть обычай пить за здоровье — ваше здоровье!

Айша. Зачем мое, — ваше здоровье.

Чокан. Выпьем и за ваше и за мое здоровье.

Айша пьет. Чокан выпивает чашку.

Еще вкуснее стал кумыс.

Айша. Я пойду, ага.

Чокан. Или я забыл обычай — разве можно встать, когда другой еще не наелся досыта?

Айша. Есть другой обычай, и я повинуюсь ему. По обычаю я не должна здесь оставаться...

Чокан. Я знаю этот обычай... Но я прошу. Я говорю это с дружбой. Налейте мне еще одну чашку, и я поведу свою речь дальше.

Айша наливает кумыс. Чокан выпивает.

Чокан. Рот уже не жаждет, но сердце И горит. Что вы можете сделать для моего сердца, сестрица?

Айша. У меня нет ничего для сердца. Разрешите мне итти, ага?

Чокан. Я очень прошу остаться на минуту, очень прошу, сестрица.

Айша. Я повинуюсь приказанию.

Чокан. Я — плохой магометанин. Ислам пришел к нашему народу поздно и не дал ему счастья. Но я уважаю иранскую и арабскую поэзию. Этому вы меня научили. Вы расширили мой мир, Айша. Иранская поэзия похожа на сад, в котором плоды созрели. В нем много плодов с деревьев, привезенных из разных стран. Правда, я мало еще гулял в этом саду. *одна*

Айша. Если вы читали мало, то в словах ваших слышно, что вы знаете дороги этого сада.

Чокан. Вы меня ввели в поэзию Ирана. Любовь в арабских стихах горяча, и многое, что толкуется, как слова о боге и вере, — это слова о любви. Кажется, так, сестрица? *4*

Айша. Я знаю мало и не стремлюсь открыть тайный смысл слов. Слова могут сжечь, как солнце. *4*

Чокан. Но ведь любовь тоже необходимость — как солнце необходимость для земли.

Айша. Границы необходимости моей жизни иные. Солнце — не единственный огонь, ага. Арабы говорят: основа земли — огонь. Так сказано в стихах, которые я читала не с полным пониманием. Но бывает огонь, который не виден, но он сжигает даже железо.

Чокан. Поговорим иначе, сестрица. Я просил вас учиться по-русски. Что из этого вышло?

Айша. В уале мало кто знает этот язык. Я купила у торговца татарско-русский словарь, но по этому словарю мне пришлось бы учиться сразу двум языкам — татарскому и русскому.

Чокан. Трудно учиться казаху.

Айша. Но я нашла одну книгу. Вы ее оставили. Это книга огненная, равная лучшим книгам поэтов Ирана.

Чокан. Кто ее написал?

Айша. К книге приложен портрет поэта. У него широкий лоб, темные усы. Он похож на вас, ага.

Чокан. Лермонтов?

Айша. Да, я прочитала поэму Лермонтова «Демон».

Чокан. Тебе удалось понять стихи?

Айша. Язык был труден. Я узнавала слово за словом, а сердце мне помогло переводить.

Чокан. Если бы между нами не было преграды, которую ставит стыдливость между девушкой и мужчиной, я бы поцеловал вас. Что же вы поняли?

Айша. Демон хотел преодолеть необходимость. Любовь воевала с долгом.

Чокан. Это великая книга молодости. Когда вы читали ее, ставили вы себя на место Тамары?

Айша. Где мне быть Тамарой? Я еще читала Лермонтова. Знаю, что у него еще есть «Бэла».

Чокан. Вы — не Бэла, я — не Печорин. Мы сошлись с вами, идя с разных сторон — с востока и с запада. Если наши пути разойдутся, я не знаю, как жить.

Айша. Все дороги открыты перед Шоканом Валихановым.

Чокан. Айша, не будем говорить обиняками. Я пришел в аул, чтобы в ауле остаться. В ауле мне трудно. Я мечтаю найти подругу, которая понимала бы то, что я понимаю, и, больше того, помогла мне быть вместе с моим народом. Я нашел эту подругу — это вы.

✓ Айша. Вам кажется, что вы и я свободны в этой юрте. А между нами каменная стена долга и необходимости.

✓ Чокан. Айша, вы думаете, что я не могу быть для вас защитой?

Айша. Вы можете защитить меня, но можете ли вы защитить свою семью? Разве могут цветы расти на дороге, по которой идут стада?

Чокан. Малтабар — бык. Я сгоню его с вашей дороги, поверьте мне.

Айша. Я осталась здесь больше времени, чем должна была остаться. Я поступила неблагоразумно.

✓ Чокан. Не благоразумие правда, не в пословице правда. Правда в стихах, которые разбивают сердце и ведут его на другую дорогу. *(Обнимает Айшу.)*

Айша. Шокан, у вас есть свой дом, свой долг.

✓ Чокан. Мой долг — любовь.

Айша. Сжальтесь надо мной.

Чокан целует Айшу. Входит Малтабар.

Малтабар. Вот для кого нет занавески между мужской и женской половиной юрты. Вот для кого поцелуи ходят стадами.

Чокан. Да исполнится ваше благопожелание.

Малтабар. Вы прыгаете, как козлята, наступающие на огонь. Сожжете ноги.

Чокан встает и идет на Малтабара.

Чокан. Ты назвал меня козленком, купец?

Малтабар. Если ты не козленок, то ты волчонок, который скалит зубы и не может укусить.

Чокан. Бык! Минотавр!

Малтабар. Бык... Сильный бык... Я забдаю голодного волченка.

Чокан хватается за ружье, висящее на стене юрты.

Стой, Шокан! Я гость в твоём доме.

Чокан. Уходи, пока жив!

Входят Жакып, Чингис, Зейнеп, Жайнак.

Чингис. Что случилось?

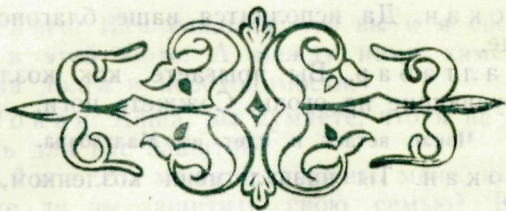
Малтабар. Не видите, что случилось?

Чокан (*обнимает Айшу*). Вот что случилось!

Жакып. Пропало семейство наше!

З А Н А В Е С

А К Т Ч Е Т В Е Р Т Ы Й

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Квартира Майделя в городе Кокшетау. На стенах сентиментальные гравюры и вышитые бисером немецкие изречения, начертанные готическим шрифтом. Рядом с картинами — резная полочка с изображением щебечущих около своего гнезда ласточек. На полочке аккуратно висят ключи.

Мебель кабинета в чехлах. На чехлах в тех местах, о которые могут опереться головы посетителей, салфеточки, тоже с изречениями. На полу — чистые половички. На окнах висят прозрачные витражи, изображающие картинки семейного счастья.

У стола — резное кресло. В кресле сидит господин Майдель в стеганом шелковом халате. Он просматривает номер газеты «Русский инвалид». В стороне сидит Галина Майдель. Она шьет детский чепчик, прилаживая к нему оборки.

М а й д е л ь. Какая пакость! Он был своим ✓
в доме твоего отца и печатает доносы на
меня.

Г а л и н а. Кто он?

М а й д е л ь. Твой Валиханов! И газета ✓
напечатала!

Г а л и н а. Что напечатала газета?

М а й д е л ь. Напечатано, будто бы с каза-
хов чиновники берут взятки маслом... По-
пробовали бы они здешнее масло! Конями—
хороши здешние кони! — и деньгами — мно-
го здесь денег!

Г а л и н а. Может, они берут, а ты не
знаешь, Коля?

М а й д е л ь. Не оправдывай своего Вали-
ханова, Галинхен. Я поместил бы опровер-
жение, если бы его напечатали. И этот Ва-
лиханов хочет быть султаном-правителем.
Почему же ему не быть царем? (Смеется.)

Г а л и н а. Что же здесь смешного?

М а й д е л ь. У него нет лошадей, у него
нет масла, нет баранов, нет денег, наконец!
Кто же его изберет?

Г а л и н а. А если его изберет народ?

М а й д е л ь (смеется). А кто угостит этот
народ? Народ нищ, но уход за ним дорог.

Г а л и н а. Значит, будет подкуп. Ты этого
не позволишь.

М а й д е л ь. Деньги, дорогая Галинхен, в степи — прогресс. Почему мне становится на пути прогресса?

Г а л и н а. Но честь?

М а й д е л ь (*берет из рук Галины чепчик*). Очень красивая вещичка, Галинхен. Мы хорошо вырастим своего ребенка. Ваше платье, Галинхен, хорошо идет к вам...

Г а л и н а. Я рада, что оно вам нравится.

М а й д е л ь. А вы знаете, Галина, сколько жалованья получает ваш муж?

Г а л и н а. Не знаю...

М а й д е л ь. А отец?

Г а л и н а. Что за вопрос! Я знаю, что у тебя нет долгов и ты не берешь взятки. Это грязно, и в грязи можно утонуть.

М а й д е л ь (*весело*). Если бы я стал тонуть, я стал бы хвататься за господина Дюгамеля — он хорошо плавает.

Г а л и н а. Коля, я ваша жена, но если вы попытаетесь вредить Валиханову, я обращусь к своему отцу.

М а й д е л ь. Это будет очень великодушно с вашей стороны, Галинхен. Я убежден, что красавица Айша, жена Чокана, не так заботится обо мне, ей хватает забот о муже.

Г а л и н а. Айша? Какая Айша?

М а й д е л ь. Айша, красавица и поэтесса.

Узкие глаза, тяжелые волосы, легкая походка. Не надо особенно жалеть Валиханова. Я бы предпочел стать другом Малтабара, тот хоть не хвастает своими успехами у женщин.

Галина. Покажи, что пишет этот Валиханов в газете. (*Просматривает «Русский инвалид».*)

Майдель (*показывает*). Вот видишь?

Галина. Действительно...

Стучатся. Входит Сутемген. Кланяется.

Сутемген. Пришли аксакалы¹, просят принять их.

Майдель. Галинхен, идите распорядитесь по хозяйству. Здесь будет скучный, долгий разговор.

Галина уходит.

Ну, как они? Ты — человек опытный.

Сутемген. Я сказал им, что все будет так, как вы порешили. Они говорят, что могут за один разговор пригнать пятьдесят лошадей. ✓

Майдель. Сколько сейчас стоит лошадь?

¹ Аксакал — буквально — белобородый, в переносном — старейшина.

Сутемген. Двадцать рублей на ярмарке. Лошади дорожают.

Майдель. Ну, зови! *(Садится, начинает перебирать бумаги.)*

Сутемген уходит.

Входят Малтабар и Эрден. Майдель не сразу поворачивается, потом, не вставая, здоровается с ними.

Как живете, аксакалы?

Эрден. Слава богу, господин. Вашими молитвами.

Майдель. Говорят, народ хочет избрать вас султаном-правителем?

Эрден. То в вашей воле, господин...

Майдель. Что ж, это не забыто. Я знаю вашу непримиримость к роду Аблая. Чокан Валиханов — будем говорить друг с другом прямо — человек здесь новый, а кроме него, только вы можете быть ханом Кокшетауского округа.

Эрден. Я хочу для народа мира и хорошей торговли. Кто знает, чего хочет Шокан Валиханов.

Майдель. Валиханов хитер. Давно он уже объезжает по аулам, говоря, что собирает сказки.

Эрден. О нем много говорят, господин..

Майдель. Надо не быть скупым, аксакалы. Тогда заговорят и о вас.

Эрден. Ты слышишь, Малтабар? ✓

Малтабар. Слышу, бий! ¹

Эрден. Мое состояние вам известно, господин. Оно несколько пошатнулось от участия в общественных делах. Опора у меня Малтабар. Его хватит на борьбу с десятью Шоканами, но ему нанесена обида.

Майдель. Я слышал про горе Малтабара. И жалею его.

Малтабар. Господин, мне не надо, чтобы меня жалели.

Майдель. И мне, дорогой Малтабар, не нужно слов. Я жду предложений.

Входит Сутемген.

Сутемген. Со стороны Алексеевки пыль — едут повозки. Думаю, что это сам Дюгамель.

Майдель. Ну, аксакалы, надо встречать гостей.

Эрден (*кланяясь*). Наше слово крепко, господин.

¹ Бий — буквально — судья, в переносном — красноречивый мудрец.

Майдель. Сутемген, договорись с ними... (Уходит.)

Сутемген. Ну, как барин?

Малтабар. Крепок...

Сутемген. Не заставляйте барина ждать молока.

Эрден. Твое слово, Малтабар?

Малтабар. Пятьдесят лошадей, и каждая из них будет стоить не менее двадцати пяти рублей. Разве это пустяки?

Сутемген. Я ему это сказал, но он сказал, что лошади дешевы.

Малтабар. Как дешевы? В Сибирь едут русские: новым крестьянам нужны лошади. Но у меня такая злоба на этого Шокана, что я даю еще пятьдесят лошадей: скотом, или ценой скота.

Сутемген. Смотри, бий, давать нужно будет не только этому барину. Каждый чиновник имеет свой аппетит.

Малтабар. Он поднял на меня руку в своем доме. Обо мне поют акыны и хулят меня... Я выделю еще двести лошадей, чтобы смех сменился страхом.

Эрден. Ты — герой!

Сутемген. Я сам ни от кого не слышал такого большого слова.

Малтабар. В степи много коней. Но

двести лошадей — это пять тысяч рублей. Это половина моей прибыли на вчерашней ярмарке. Если на деньги можно купить месть, то я отдам за месть вторую половину прибыли, потому что месть — это счастье.

Эрден. Золотые слова!

Слышен звон колокольчиков. Сутемген смотрит в окно.

Сутемген. Все омское чиновничество едет. Выходите в другую дверь.

Эрден. Ты не забудь этого человека, Малтабар. Его имя Сутемген.

Малтабар. Не забуду.

Они уходят. Сутемген открывает форточку.

Сутемген (*печально*). Надует, надует меня Малтабар. Даст Майделю двести пятьдесят коней, а для меня пожалует и пяти.

Входят Гутковский, Фридерикс, Христина Андреевна, Майдель и Галина.

Гутковский. Как красивы места под Кокшетауом. Какое озеро!

Христина. Как у тебя уютно, доченька! Только закрой форточку — ты простудишься.

Майдель. Сию минуту, маменька. (*На-*

крыв стул газетой, становится на него и закрывает форточку.)

Христина. Как ты расцвела, мой цветочек!

Гутковский. Ты сказала мне, дочка, что у тебя ко мне есть какое-то серьезное дело. Вероятно, ты хочешь просить за кого-нибудь?

Галина *(поколебавшись)*. Нет, папа, так — пустяки!

Гутковский, Христина Андреевна, Галина уходят.

Майдель. А где же Дюгамель?

Фридерикс. Большие неприятности, мой господин Майдель. Ревизия из Петербурга. Дюгамель поехал в Акмолинск с петербургским чиновником.

Майдель. Уже ревизия?

Фридерикс. Ревизия всех окружных приказов. Предупреждаю — и до вас доберутся.

Майдель. Как это неприятно — сейчас как раз выборы.

Фридерикс. Да, как раз для вас время горячее. И знаете, кто может быть назначен в состав комиссии?

Майдель. Вы, вероятно?

Фридерикс. Нет, Валиханов. Вся ревизия пошла от его статьи в «Русском инвалиде».

Майдель. Значит, Валиханов будет бороться со мной?

Фридерикс. Ну, а как же! Валиханов хочет быть султаном-правителем. И, знаете, его могут избрать. Два года он ездит по степи.

Майдель. Я боюсь, что с ним нельзя и служить.

Фридерикс. Валиханов не будет султаном-правителем, пока мы с вами здесь. И Дюгамель не простит ему Чарльза Диккенса. А в ревизии я вам помогу.

Майдель. Моя благодарность к вам уже сейчас безгранична.

Фридерикс. Надо будет уточнить эту благодарность.

Майдель. Свои люди — сочтемся, как говорят русские купцы.

Фридерикс. Ну, если сочтемся, то у Валиханова есть уязвимое место. Его друг Потанин на подозрении. И у самого Валиханова есть такие друзья, что мы уже имеем основания не утвердить избрание.

Входит Сутемген.

Сутемген. Шокан Валиханов.

Входит Чокан Валиханов. Он в военной форме. Отдает честь. Фридерикс здоровается с ним.

✓ Фридерикс. Как вы поправились!

Чокан. Степной воздух... кумыс...

Фридерикс. Должно быть, слышали о том, что едут ревизоры и что председателем комиссии назначен Дюгамель?

Чокан. Дюгамель?

Фридерикс. Представьте себе. Такое распоряжение из Петербурга. Но вы хорошо сговоритесь со стариком. Он так любит ваше остроумие.

! ✓ Чокан. Ну, что ж, если не сговоримся, придется снова писать...

Фридерикс. Да, ваша популярность...

Входит Гутковский, целует Чокана.

✓ Гутковский. Друг мой, как ты поправился!

Майдель. Не будем мешать друзьям.
(Уходит с Фридериксом.)

Гутковский. Друг мой Чокан, я читал ваши статьи в «Русском инвалиде», я читаю ваши статьи в журналах.

Чокан. Вы с ними согласны?

Гутковский. Друг мой Чокан, я сог-

ласен, но я не верю в успех. Может быть, надо было делать все тише.

Чокан. Степь тиха. А в степи казахов только не травят собаками. И когда человек напечатает одну статью в официальной газете, говорят, что он кричит слишком громко.

Гутковский. Я благодарен тебе за твою рекомендацию к Достоевскому. Он принял меня в Петербурге, как родного. Мы говорили о тебе.

Чокан. Что же говорит Достоевский? Он — мой учитель.

Гутковский. Он не тот сейчас, друг мой. В Петербурге осень. В Петербурге разочарование. Там говорят о смирении.

Чокан. А с народом и со мной ничего не может случиться, а если что случится, то только со мной, а не с народом.

Входит Г а л и н а.

Г а л и н а. Самых дорогих гостей нет за столом. Вы похорошели, Чокан.

Чокан. А как вы похорошели, Галина Карловна. Какой уют в вашей квартире!

Г а л и н а. Не иронизируйте. Прошли романтические мысли о степях, о кочевьях...

Гутковский. Ну, я пойду с дороги выпить водки. (Уходит.)

Г а л и н а. Чокан, счастливы ли вы?..

Ч о к а н. Счастлив... Нет, несчастлив... Слишком несчастливы люди вокруг меня.

Г а л и н а. А правда, Чокан, что вы женаты?

Ч о к а н. Да, у меня есть друг. Если я несчастлив, то не из-за него.

Г а л и н а. Чокан, может быть, у вас есть враги, может быть, вы недостаточно осторожны?

Ч о к а н. Вы что-нибудь слышали, Галина?

Г а л и н а. Ту женщину зовут Айша?

Ч о к а н. Да, Айша... Я счастлив. Что вы слышали?

Г а л и н а. Я ничего не слыхала. Идемте к столу. Неудобно, что мы так заговорились с вами.

З А Н А В Е С

КАРТИНА ВТОРАЯ

Небольшая, по-татарски убранная комната. На стене портрет Чокана. Облокотившись на низкий круглый стол, сидит Чокан. На плечи его накинута офицерская шинель. Чокан что-то читает.

Ч о к а н. Хорошо перевела на казахский язык Омар-Хайяма Айша. *(Читает.)*

Живые пешки мы,
а опытный игрок,
Что нами двигает,
не кто иной, как рок.
На доску бытия
нас для игры он ставит,
Чтоб в ящик бросить вновь
через короткий срок ¹.

(Перечитывает, потом зовет.) Айша!

Голос Айши: «Я готовлю».

Чокан. Айша, во имя поэзии..

Входит Айша с засученными рукавами, в фартуке.
Лицо ее вымазано мукой.

Что это?

Айша. Это будет бишбармак ².

Чокан. А старуха не могла бы пригото-
вить?

Айша. По-моему, у меня выходит лучше. ✓

Чокан (подходит к ней). У тебя стихи
тоже хорошо выходят, но почему так грустен
твой выбор, почему у тебя мысли о роке?

Омар-Хайяма говорил:

Но я, покуда жив,
тревожиться не стану

О дне, что отошел,
и дне, что не рожден.

¹ Стихи Хайяма цитируются по переводу О. Руме-
ра. — Автор.

² Бишбармак — жаркое, приготовляемое вместе с
кусками теста.

✓ Айша. Я думаю о твоих врагах.

✓ Чокан. Забудь!

Айша. Надо делать биншбармак. Пусти меня.

Чокан. Но прежде я сделаю тебе подарок. Только утри лицо, чтобы выглядеть совсем важной. Я только что узнал кое-что новое из нашей истории.

Айша. Ты знаешь ее лучше всех.

Чокан. Не говори так. Есть пословица: мужа хвалит только нехорошая женщина.

Айша. Тогда хвали меня.

Чокан. Я буду хвалить твой род. Я был на базаре, там один русский продавал разрозненные книги, и я нашел том летописи. Книгу эту я давно ищу. Продали мне ее за восемь копеек. И вот я в ней нашел: «Тогда же убили и Кокше, богатыря татарского, велика суца телом и силою».

Айша. Когда это было?

Чокан. В 1423 году.

Айша. Жду похвалы себе. Очевидно, придется ждать ее долго.

Чокан. Но ты из рода Кокше. Об этом роде есть поэма «Эр-Кокше». Она начинается так: «Сын Уака Камбар, сын Камбара

Эр-Кокше». А этот Эр-Кокше, как ты видишь, историческая личность.

Айша. Надо будет об этом сказать Жакыпу, а то он называл меня безродной. (Смеется.) По этому случаю будет бишбармак и бутылка рома.

Чокан. Запасливый лучше богатого. Как ты ее спрятала, женушка?

Входит Жайнак. Айша уходит на кухню.

Жайнак. Бывает же счастье в женах людям!

Чокан. Такого, как у меня, не бывает.

Жайнак. Но я могу тебе рассказать новость. Говорят, что выборы состоятся сегодня.

Чокан. На одной чашке весов лежит имя Шокана, на другой — деньги и стада. Я не пойду смотреть на выборы, зная, что стрелка не будет колебаться.

Жайнак. Нет, ты пойди, Шокан. Там приехал великий певец Биржан-Сал. Он поет, и голос его в степи слышен, насколько видит глаз. Народ слушает акына.

Чокан. Он придет ко мне, и я запишу его песню.

Жайнак. Его песня про тебя. Он назы-

И вает тебя покровителем бедных. Так поют еще много акынов там. Песнь легла на весы выборов, и я вижу, что весы колеблются.

Чокан. А Малтабар?

Жайнак. Малтабар ушел. Я думаю, что он стыдится тех слов, которые он услышал от акынов. Акыны его называют медноголовым быком.

И Чокан. Малтабар и Эрден — сильные противники.

Жайнак. Значит, ты должен итти. Пойди, друг мой, послушай. Пускай люди посмотрят на того, кого они любят.

Чокан накидывает армяк.

Надень в рукава. Сейчас холодно, а сегодня ты должен выглядеть почтенным.

Айша вносит бишбармак.

Айша. Ты куда, Шокан?

Чокан. Пойду, погуляю.

Входит Жакып.

Жакып. Куда идешь от еды, Шокан?

Чокан. Так вот, погулять. А ты откуда?

Жакып. Я слышал Биржан-Сала, он го-

ворил громкие слова про тебя и даже не упоминал меня. Как будто я не старший брат.

Чокан. Садись, поешь, я сейчас приду.

Айша. Не уходи, Шокан.

Чокан. Перед деверем будь скромна с мужем, молодуха. Ты приказывай мне тогда, когда нет Жакыпа. Я сейчас вернусь.

Айша. Наши хлеб-соль не будут пресны для гостя.

Жакып. У меня есть забота. Позови-ка мне Аби.

Айша выходит. Жакып обращается к Чокану.

Я пришел, чтобы тебя не обидеть.

Чокан. Брось, брат. Поговорим за едою.
(Уходит с Жайнаком.)

Входит старуха Аби.

Жакып. Знаешь ты лавочника Гайнедина?

Аби. Знаю.

Жакып. Сходи к нему, принеси мне пару подошв. Он обещал их выкроить сегодня.

Аби уходит.

(Тяжело вздыхая.) Я не верил, когда читал

в священной книге, что Каин убил своего брата Авеля. А вот... теперь... верю. (*Подходит к портрету Чокана и жалобно говорит.*) Брат мой родной... я виноват перед тобой. Я причиняю тебе боль, которая может привести тебя к смерти. Что же могу я сделать, если нет другого выхода. С черным парусом придет корабль к старому Эгею из страны Минотавра. Необходимость заставляет поступать так. Не выдам Айшу Малтабару — погибнет вся семья... Быт может, весь род Валиева... (*Отворачивается.*) О, аллах, спаси мою душу... сделай так, чтобы имя мое не сохранилось... (*Подходит к окну, открывает и кому-то машет рукой.*)

Вскоре в окно всовывает голову Култай.

Где Малтабар?

Култай. Он недалеко.

Жакып. Приходите быстро. Быстро только.

Култай. Сейчас. (*Уходит.*)

Жакып (*идет к двери, открывает ее*). Айша, выходи сюда!

Входит Айша.

Айша. Что, ага? Кушать?.. (*Смотрит в*

лицо Жакыпа и испуганно говорит.) Ага, здоровы ли вы?

Жакып не отвечает.

Ваше лицо страшно...

Входят Малтабар, Култай и два жиггита.

Малтабар. Цена твоя, Айша, была внесена, и слово было дано. Люди, возьмите мою собственность!

Жакып. Заберите!

Айша. Ага, ведь Шокан погибнет!

Жакып и Малтабар уходят. Жиггиты выносят Айшу, завернув ее в ковер. Сцена пуста. Через несколько минут входит Аби с подошвами в руках.

Аби. Куда же все ушли? И что они отсюда взяли?

В дверь радостно входит Чокан.

Чокан. Аби, где же Айша?

Аби. Не знаю, сынок.

Чокан. Вероятно, пошла за мной. Аби... с тебя приходится подарок за добрую весть.

Аби. Подарок за мной, сынок. А какая весть?

Чокан. Я стал султаном.

Аби. Этого не может быть.

Чокан. Я стал султаном-правителем. Начальником всего Кокшетауского округа.

А би. Кто?

Чокан. Я... я...

А би. Тогда благословляю. Только не шутишь?

Чокан. Айша, небось, уже знает.

Входят Чингис, Зейнеп и Муса.

Чингис (*идет с открытыми объятиями к Чокану*). Поздравляю, сын мой, защитник мой! Иди ко мне! (*Обнимает сына.*)

Зейнеп. А кто ругал сына? Теперь уступи мне его для поцелуя.

Чокан (*целует мать*). Мама, спасибо тебе.

Муса. Судьба устраивает лучше, чем хитрость, и получилось по пословице: «Пусть чужой слезает с коня, когда конь нужен сородичу».

Чокан. Пусть будет так на тысячу лет.

Входит Потанин.

Потанин. Правда ли это, Чокан?

Чокан. Я сам удивляюсь. Эрден получил семь голосов, а я — восемнадцать.

Потанин. Это удивительно.

Чокан. У народа есть совесть, и выборщики побоялись народа. Они боялись также акынов. Если бы выборщики прислушивались к голосам денег, акыны о них сочинили

бы такие песни, которые прокляли бы их на всю жизнь. (Отцу.) Недаром я собираю их песни. В них — правда и вечность.

Входит Жакып. Он молча становится у притолоки.
Чокан подходит к нему.

Жакып, старший брат мой, прими от меня почтение. Не хмурься. Исполнилось твое желание.

Жакып молчит.

Чингис. Ты, значит, Жакып, не слыхал? Наш Шокан избран.

Входит Жайнак.

Чокан. Ты не видел Айшу, Жайнак? И почему ты не весел?

Жайнак молчит.

А ты, мама, ты не видела?

Зейнеп. Нет, мое солнышко.

Чокан. А ты, Жакып? Что за молчание?

Жайнак. Я слыхал об Айше, но я не решаюсь говорить.

Жакып. Он скажет какую-нибудь ложь.

Чокан. Брось ты соваться не в свои дела!

Зейнеп. Что за ссоры в день радости!

Жайнак. Жакып, если ты смог сделать, то найди силы сказать.

— Жакып. Разве я сторож жены брата?

Жайнак. Ты передал Малтабару Айшу.
Чокан. Что он говорит?! Этого не может
быть, мама... *(Падает в обморок.)*
Потанин. Коней, в погоню!

Входят Фридерикс в полной форме, Майдель,
двое жандармов, понятые.

Фридерикс. Господин Потанин, остано-
витесь!

Потанин. Похищена женщина!

Фридерикс. Дело менее романтично.
У меня есть предписание вас задержать.
Ознакомьтесь с документами.

Потанин *(читает)*. За что меня задер-
живают?

Фридерикс. Вы обвиняетесь в сепара-
тистской пропаганде, то есть в действии, на-
правленном против существующего строя.

Потанин. Я не убегу, но пустите меня
сейчас.

Фридерикс. Я не могу изменить меры
пресечения. Вы арестованы.

Потанин *(Майделю)*. Николай Леоно-
вич, посмотрите, Чокан лишился чувств.

Майдель. Душевно скорблю, но дело
служебное.

Потанин. Но ведь Чокан Валиханов —

султан-правитель, он ваше начальство, наконец!

М а й д е л ь. Избрание еще не утверждено его высокопревосходительством господином Дюгамелем. При избрании проводилась противоправительственная агитация, и господин степной генерал-губернатор имеет основание к пересмотру выборов. Впрочем, это все будет решено надлежащими инстанциями.

Ж а й н а к. Господин чиновник, у нас похитили женщину.

М а й д е л ь. Дело о похищении женщины бытовое, и по существу оно находится в ведении, если это вам понятнее, господина султана-правителя. Таковой еще не утвержден. Что же касается вас, то вы нам нужны для дачи показания.

Ч и н г и с. Жакып, может быть, я был не таким отцом Шокану, какого он был достоин. Но я не твой отец, Жакып.

Ф р и д е р и к с. Прошу очистить помещение. Здесь будет произведен допрос арестованного. Вы будете допрошены отдельно.

З А Н А В Е С

Э П И Л О Г

Вершина горы покрыта снегом. В том месте, где кончается целена снега, к горе пристало узкое длинное облако. Это тает снег. Ниже снега — тьянь-шаньские кругловерхие ели. Еще ниже — цветут дикие яблони. Под цветущими яблонями стоит юрта. Вход в юрту открыт. На кровати спит Чокан; он очень изменился. Тело его тщательно укутано лисьим тулупом.

У шатра, с лицом, обращенным на Каабе, сидит Зейнеп. Рядом с ней маленький компас. Зейнеп молится, раскачиваясь из стороны в сторону.

У юрты появляется Жайнак. На его плече убитая серна. Жайнак оставляет серну у порога и, не спеша, входит в юрту. Зейнеп не замечает его, продолжая молиться. Вдруг видит его и говорит неожиданно для себя.

Зейнеп. Жайнак!..

Это слово вырвалось невольно. Но молитвы нельзя прервать, и Зейнеп продолжает молиться.

Чокан (*просыпаясь*). Мама!

Зейнеп не отвечает. Чокан закрывает себе голову шубой. Жайнак стоит, опершись на ружье. Зейнеп продолжает молиться. Наконец, она встает, скатывает коврик, берет с ковра компас, по которому определяла киблу — направление на Мекку¹.

Жайнак. Айша здесь?

Зейнеп (*удивленно*). Айша? Ее нет.

Жайнак. А я был уверен, что она здесь. Но это сбили меня слухи и песни.

Зейнеп. Какие песни?

Жайнак. Я слышал много раз песню о том, что Айша убежала от Малтабара на той самой белоногой лошади, которая выиграла в прошлом году байгу² для Малтабара.

Зейнеп. Если бы эта песня была правдой!

Жайнак. Песня — всегда правда. В три месяца песня проходит от Сыр-Дарьи до тайги, не солгав ни в одном слове. И, наконец, я встретил людей Малтабара — они искали Айшу.

Зейнеп. Спаси ее бог!

¹ Кочевые народы пользуются компасом, чтобы не ошибиться стороною, куда обращать лицо при молитве.

² Байга — конные соревнования.

✓ Ж а й н а к. Но песни противоречат друг другу. Нет, не противоречат, — они по-разному светят, как звезды в ночном небе. Есть песни, что Айша скрывается от преследования, что она уже была у Омска, где ей сказали, что Шокан здесь, у истоков реки...

З е й н е п. Но сколько времени можно скитаться?

Ж а й н а к. Я ищу ее для Шокана год. И горе мое знает, как велик Казахстан. Тут есть пустыня — орел опалит крылья, когда через нее пролетит, и копыта коня сгорают, когда он пробегает через эти пески...

З е й н е п. Так создал бог этот свет.

✓ Ж а й н а к. До Акту, Ортау я шел по следу ее, и только у гор я потерял ее след. Потерял в пустыне.

З е й н е п. Не мучь меня. Песня — это тень дыма. Скажи слово истины.

Ж а й н а к. Жигит, хорошо знающий эту пустыню, провел Айшу. Но нет следов жигита.

З е й н е п. Наверное, заблудились. В этой пустыне, говорят, пески кричат, сбивая путников голосами.

✓ Ж а й н а к. Не может быть! Я видел людей Малтабара — они ищут белого коня и предлагают деньги — обычные круглые день-

ги. И я искал Айшу и думал, что душа моя скажет, если погибнет Айша, и что я скажу Шокану, если я ее не разыщу. И тогда я пришел к низкому берегу Балхаша, и я искал ее на островах, где птицы-бабы летают, и кажется, что кто-то считает на счетах с белыми костяшками или перебирает белые четки. Но ее там не было. Я был в камышах и встречал стада, зимующие там. Мне говорили, что Айша исчезла в пустыне, но она есть, она стала незримой, невидимой и находится всегда с Шоканом.

Зейнеп. Сын мой, это не так. Я узнала бы это по улыбке Шокана. Твоя весть — не весть правды, говори короче.

Жайнак. Разве может быть коротка народная молва? Про Шокана и Айшу говорят, как про Козы Корпеш и Баян Слу.

Зейнеп. Сохранять ли мне надежду?

Жайнак. Я ехал к аулу, и мне говорили: «Он видел». Потом говорили: «Другой видел». Раз я нашел стремя. Я знаю клеймо Малтабара. Может быть, стремя потеряно Айшой.

Зейнеп. Может быть, она близко... Тут часто приходят люди и сидят у нашей юрты и ждут чего-то, и я не знала, чего они ждут...

✓ Жайнак. Она здесь — несомненно, она в ауле рядом. Я переходил через гору Атау до мест, где смолкает вода и конь проваливается в снегу, и я видел след подков и знал, что конь Малтабара подкован на четыре ноги. Но, может, это погоня Малтабара. Но что я скажу Шокану, и как он чувствует себя?..

Зейнеп. Он только жив...

Жайнак. Я жду Айшу, может быть, сегодня. И у меня есть другая новость.

Зейнеп. Какая новость?

✓ Жайнак. Тут, совсем близко, изнуренный, потерявший надежду, на коне с истертыми копытами ехал я и встретил группу русских. Среди них был Володя из Омска, — тот, из дома Гутковского.

Зейнеп. Так давно это было... Трудно даже вспомнить.

? Жайнак. Он был мальчиком, которого они одевали казачком. А теперь у него борода и усы, и с ним другой чернобородый русский — друг Шокана.

✓ Зейнеп. Это Григорий Потанин. Потанин — вот радость для Шокана.

Жайнак. Он узнал меня. А это было нелегко, потому что дорога меня изнурила.

Мы обнялись, и он сказал, что слышал про Айшу и что едет сам сюда.

Зейнеп. Почему же ты не привел их сюда?

Жайнак. Молва и песни сказали мне, как болен мой брат и хозяин Шокан. Русские едут на телеге, я прискакал на коне. Этот козел перебежал мою дорогу, и вот он перед тобою.

Зейнеп. Зайдем в юрту.

Жайнак. Не смею. У меня нет в руках настоящего подарка. Я встречу русских друзей Шокана и приеду с ними.

Зейнеп. Делай, как знаешь.

Жайнак уходит.

Всемогущий создатель, ты, который создал зимнее пастбище и летнее пастбище, почему ты не сделал так, чтобы братом Шокана был этот человек, а не Жакып, который опозорил мое воспитание.

Слышен кашель. Чокан открывает голову. Зейнеп заходит в юрту.

Чокан. Мама, мне снился голос Жайнака.

Зейнеп. Ты видел хороший сон.

Чокан. Сон был смутен. Я видел, будто

мы находимся в нашем ауле у быстрой реки, которая по-весеннему гремит круглыми камнями, и что Айша пришла ко мне и рассказывает, как ее искал Жайнак, и потом пришел Жайнак и сказал: «Шокан, ты видишь, что верность народа существует».

Зейнеп. Все может быть. Сны сбываются.

Чокан. Сбываются песни, но не сразу, сбываются сказки, но не при жизни человека, а сны — никогда. В снах нет нитей Ариадны. Как грустно мне, мама. Я тоскую по Кокшетау, по соснам.

Зейнеп. Радость моя, как только тебе станет лучше, мы свернем нашу юрту и поедем к тебе на север.

Чокан. Нескоро это будет.

Входит Танаш.

Танаш. Нет новостей?

Чокан. Какие могут быть новости...

Танаш. Значит, нет новостей. А кто убил серну, лежащую за порогом?

Чокан. У нашей юрты? Мама, подыми мою голову. Притащи-ка ее сюда, Танаш!

Танаш. А если я не смогу? *(Выходит и с трудом притаскивает серну.)*

Чокан. Мама, кто принес эту серну? Какая большая!

Зейнеп. Я не знаю.

Чокан. Во все путешествия свои я не видел такой серны. Покажите голову. Чудесный выстрел!

Танаш. Очень жирное мясо.

Чокан. Мама, вели снять шкуру и приготовить жаркое.

Зейнеп. Танаш, помоги мне.

Танаш. Я не умею снимать с дичины шкуру.

Зейнеп. Чему же учили тебя в детстве?.

Танаш. Я позову еще человека. Там пришли еще люди.

Чокан. Так просто пришли?

Танаш. Весна, цветут яблони, здесь хорошо, и мы думали, что здесь есть новости. Пришли Тезек и Суюмбай справиться о вашем здоровье.

Чокан. Значит, у нас будут сотрапезники есть куырдак¹.

Танаш уходит.

Мама, серны не падают с неба. Или это та серна, которую бог послал к Ибрагиму, на-

¹ Куырдак — жаркое.

И зываемому русскими Авраамом, как выкуп за Исаака.

Зейнеп. Это очень жирное мясо, а не рассказ о мясе, и мы будем его есть, и гости будут довольны.

Чокан. Я чудесно спал и чувствую себя хорошо.

Зейнеп. Горы исцелят твою болезнь, солнце мое.

Входят Тезек, Суюмбай, Танаш и молодой казах.

Тезек. Какая большая серна! Тут хватит на жаркое, тут будет вареное мясо и крепкий навар.

Чокан. А что если здесь резать?

Тезек. Твой дом слишком почтенен.

Чокан. К такому мясу хорошо иметь гостей. Ваш приход нас радует. Присаживайтесь!

Зейнеп. Садитесь, гости! А я пойду на кухню.

Тезек. Зачем? Они сами справятся.

Зейнеп. За вкусно приготовленные кушанье бог дает поварихе счастье. Я от этого счастья не отказываюсь.

✓ Чокан. Сегодня у меня чудесное настроение.

Суюмбай. Строка песни любит другую строку и женится с нею в рифме. Песня любит исполнение. *История*

Чокан. Пир любит акына, но какого исполнения песни ждет мой гость? *И*

Суюмбай. Это так — наш спор с Тезеком.

Чокан. Я люблю тебя, Суюмбай, за твои прославленные песни, люблю и шутки Тезека, его веселую песню. *И*

Тезек. Я недостойн песни акына и упоминания рядом с Суюмбаем, но все-таки кажется мне, что браки его строк не всегда счастливы. *История*

Чокан. Не спорьте при мне, друзья. Гордитесь именем акына. Сам я не пишу стихов, но если бы мне дали на выбор звание поэта или звание султана, я бы выбрал сейчас дар поэта, потому что песни переживают людей. Это я говорю тебе, Тезек. *!*

Тезек. Много ли я знаю. Есть акыны, которые могут петь многие недели подряд, не повторяя ни строки. *4*

Чокан. Наш народ не имел городов и книг. Наша история — наша песня. *!!!*

Слышен звон колокольчиков. Входят Потанин, Володя, в форме горного инженера, и Жайнак. Потанин здоровается с Зейнеп. *99 TRIOX*

Потанин. Здравствуйте, байбише!
Зейнеп. Как поживаете, сынок?
Потанин. Я хорошо, но как чувствует себя Чокан?

Зейнеп. Пойдем в юрту, сынок. Айша в ауле?

Потанин. Вы ждете ее?

Зейнеп. Мне говорили, что она близко.

Уходят в юрту.

Чокан. Сны сбываются. Это ты?

Потанин. Да, это я, друг мой.

Чокан. Это ты, Жайнак? Ты вернулся... Вот тайна серны.

Жайнак. Я вернулся, Шокан.

Чокан. Ты вернулся один. Мне надо было бы плакать, но у меня нет слез. Мне надо было бы упасть в обморок, но сердце бьется радостно. Скажи мне, Жайнак.

Жайнак. Что, братец?

Чокан. Айша не нашлась?

Жайнак молчит.

Зейнеп. Я не могу сдерживать слез. Она ушла от Малтабара. Говорят, что она через пустыни и горы едет сюда. Люди приходят ее встретить здесь.

Чокан. Я мужчина, мама. Я много видел гор, жестких дорог и дорог песчаных. Скажи мне, Жайнак, она умерла? Сердце мое выдержит.

Жайнак. Нет.

Чокан (обращается к Володе.) Но я оставил дорогих гостей без внимания... Это ты, Владимир Светлов?

Володя. Да, я мальчик из дома Гутковского, которому вы, дядя Чокан, помогли уехать в Петербург.

Чокан. Ты — инженер-геолог? Да, вспоминаю. Я ведь видел тебя в Питере в Горном институте на берегу холодной Невы. Там на портале бронзовый Геркулес душил Антея, оторвав его от родной земли.

Володя. Я вернулся на родину, чтобы осуществить ваши планы, и вот с экспедицией изучаю недра казахских степей.

Чокан. В наших сказках рассказывается о серне с золотыми рогами, которая ушла в подземное царство. Вот познакомьтесь с Тезеком. Это мой родственник, а это Суюмбай — знаменитый акын. Разгадай их песни. Они помогут отыскать серну с золотыми рогами, Володя. Мама, приготовь скорей еду, кумыс. День прихода гостей — день радости.

Тезек (задерживая Зейнеп). Сядьте, хозяйка, я пойду.

Зейнеп. Сидите, окажите честь гостям. Все будет.

Суюмбай. И я пойду.

Чокан. Акын, вам не разрешается. Будьте сотрапезником.

Суюмбай садится.

Жайнак. Как себя чувствуете, братец?

Чокан. Разве не видишь? Смерть моя уже на последнем перевале. Гриша, когда я ездил в Кашгарию, там, исследуя горные перевалы, думая о том, как преградить врагу дорогу в нашу Россию, я ночевал на голых камнях, там, где трудно дышать. Горный буран застал меня спящим. Теперь я лежу и скоро усну навек у подножья того же самого Алатау. И никакой буран меня не разбудит.

Потанин. Зачем так говоришь, Чокан?

Чокан. Мы же люди науки, Гриша. Мы — материалисты. Мы читали Фейербаха и еще столько книг... Я рад, что ты освобожден, что ты можешь ездить, что опять собираешь фольклор.

Потанин. Я приехал к тебе, Чокан.

Чокан. Ты приехал ко мне, и приехал недаром. Мама, открывай сундуки.

Зейнеп открывает сундуки. В сундуках папки.

Потанин *(склоняется над папкой)*.
Сколько рукописей! Здесь тома, Чокан!

Чокан. Один том подготовлен к печати. Найдется еще два. Тут есть верно разгаданные пути и точно записанные песни. От одного Суюмба я записал тридцать тысяч строк. Ты во-время приехал, Гриша. Значит, след моей работы не затеряется в песке.

Потанин просматривает рукописи.

Володя. А это вам книга. В Петербурге говорят, что она открывает новые дороги.

Чокан *(берет брошюру в руки)*. Карл Маркс и Фридрих Энгельс «Коммунистический манифест». Мне рассказывал много об этом Бакунин. Он спорил. Но дело, про которое он говорил, вырисовывалось за словами, как горы за степью. *(Читает книгу.)*

Потанин *(Суюмбаю)*. Как голос этой песни?

Суюмба й. Пусть Шокан кончает читать.

Чокан. Кажется, ты привез мне, Володя, книгу с нитью Ариадны. Значит, есть иная

необходимость — необходимость, не задерживающая человечество, а ведущая его через горы времени к прогрессу...

Володя. Если бы вы были здоровы, я бы рассказал...

Чокан. Мама, я встану.

Зейнеп. Милый мой...

Чокан. Помогите мне встать, мама.

Зейнеп. Сын мой, глаза мои, что с тобой?

Чокан. Мама, нить Ариадны мною найдена, я выздоравливаю, я встаю... Мы победили Минотавра.

Зейнеп. Ложись, сын мой...

Чокан. Пой, Суюмбай... Мама, дай мне платье. Сейчас придет Айша. *(Падает.)*

Потанин *(наклоняется над ним)*. Песня Чокана кончена. Слава его не пройдет.

З А Н А В Е С

424787

1871